

18+

Михаил Михайлович
Вербицкий

Тропа тунеядцев — 5.
Книга третья.
Эпидемия. Часть
первая. Интервенция
Роман-катастрофа

Михаил Вербицкий

**Тропа тунеядцев – 5. Книга
третья. Эпидемия. Часть первая.
Интервенция. Роман-катастрофа**

«Издательские решения»

Вербицкий М. М.

Тропа тунеядцев – 5. Книга третья. Эпидемия. Часть первая.
Интервенция. Роман-катастрофа / М. М. Вербицкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967149-3

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Белорусы мирно возделывают свои нивы, но на них
валятся новые неприятности. И снова из космоса. На этот раз проблемы
гораздо серьезнее, чем неприятности с российским челноком. На этот раз
жителям Молочаевки и окрестных деревень предстоит решать проблемы
мирового уровня. А может, даже более масштабные. Разумеется, спасти мир
силами нескольких деревень — дело затруднительное. Поэтому сельчане
бросают клич о помощи по всей стране, а из соответствующих структур
призывают на выручку майора Злыдника.

ISBN 978-5-44-967149-3

© Вербицкий М. М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	27
Глава третья	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тропа тунейдцев – 5. Книга третья. Эпидемия. Часть первая. Интервенция Роман-катастрофа

Михаил Михайлович Вербицкий

Все герои этой книги являются вымышленными.

Любые совпадения с реально существующими людьми – случайны.

М. М. Вербицкий.

© Михаил Михайлович Вербицкий, 2019

ISBN 978-5-4496-7149-3 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-7150-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Председатель колхоза «Светлая Заря», Бабий сказал председателю Молочаевского сельсовета Заслонову:

– Это поле, у меня самое рискованное. В смысле земледелия. В прошлом году, его почти утрамбовали. Кто, тут только не топтался. И ботаники, и синоптики, и шпионы, со всего света. Но ничего, к осени оно оправилось. Я даже подумал, что все беды позади. Сглазил наверно. Нет, ты смотри, что делается! В прошлом году, хоть в лесу сели, голуби залетные В этом, прямо в поле приземлились. Надо вопрос, перед Ириной Витольдовной, ставить ребром. Пускай она половину урожая списывает и компенсацию выплачивает, из общественных фондов.

– Она скажет, чтобы ты компенсацию с летчиков требовал. – Возразил Заслонов.

Бородатый, одетый в национальную косоворотку, Заслонов смотрелся на краю колхозного поля, как Лев Толстой, над родовой пашней.

– Уже! Вот, я, уже, потребовал! – Разгорячился Бабий. – Чем эти, непонятно – кто, расплачиваться будут?! Ты, хоть предположить можешь?! Вот – то-то.

Колхозный председатель раздраженно уставился в сторону ямсового поля.

– Припыленные специалисты, уже целый век, спорят, на чем разумные существа летают. Типа – есть тарелки, летающие или, у их аппаратов, другая конфигурация. – Задумчиво сказал Заслонов. – Вот, и конец всем спорам. С этого дня, можно во все анналы записывать – летающим тарелкам быть!

– Что теперь делать? Не знаешь? – Спросил Бабий.

– Надо в соответствующие государственные структуры обращаться. – Сказал Заслонов. – Этот казус, в сфере, их компетенции.

Глава первая

В кабинете председателя КГБ, генерала Аксамитова, проходило чрезвычайное заседание, в узком, составе. На нем присутствовали начальник Кадрового Управления генерал Жемчужников, начальник Центрального управления – полковник Бурый и руководитель Инициативной группы, майор Злыдник. Присутствие майора Злыдника, подчеркивало серьезность проблемы, которая стояла на повестке дня.

Генерал Аксамитов не видел, последнего, воочию, с прошлого года, что благотворно сказывалось на его душевном равновесии. Все это время, комитет, под его руководством, успешно справлялся со всеми, находящимися в его компетенции, проблемами. А, именно: шпионажем, коррупцией и наркоторговлей. Правда, с последней, только, в пределах городской черты. За городской чертой, проблема наркотиков не стояла. Там, выйдя в поле, можно было, без злого умысла, нанюхаться васильков или еще каких-нибудь лютиков и провести в состоянии эйфории неопределенное количество времени. Поэтому сельская местность, особенно отдаленные районы, в плане наркотиков, была неподконтрольна государственному регулированию. Там происходило саморегулирование, на уровне развитого самосознания. Там, тех, кто нюхал, осознано, записывали в ботаники, после чего человек отправлялся лес, общаться с природой, до полного восстановления нормальных заворотов головного мозга.

Сегодняшнее, присутствие, в высоком кабинете, Злыдника, говорило о том, что привычные, рутинные дела, пора отложить и пора заняться проблемами мирового масштаба. Это напрягало Аксамитова, это наложило отпечаток озабоченности на лицо полковника Бурого. Даже генерал Жемчужников, обычно, относящийся к серьезным проблемам, с легкой иронией, выглядел хмуро. Поэтому вопрос прозвучавший, из его уст, в адрес майора, звучал откровенно угрожающе, без обычной вкрадчивости и ласки:

– Чем, ты, нас, собираешься порадовать? Говори четко, ясно и по существу!

– Слушаюсь! По существу: в поле, между населенными пунктами Молочаевка и Погорельцы, стоит летательный аппарат внеземного происхождения, внешне похожий на летающую тарелку. Появился вчера, ночью. Посадку наблюдал местный астральный синоптик и жители окрестных деревень, допризывного возраста.

В кабинете председателя, наступило молчание. Только, через какое-то время, генерал Жемчужников сказал:

– Ага! Дождались!

После этого, вновь наступило молчание, не очень долгое, но очень напряженное.

– Ты трюфелей, у Геннадия Петровича, не кушал? – спросил Жемчужников, сквозь сжатые зубы.

– Никак нет. Грибов не кушал, ландышей не курил. Вообще, просто приехал, посмотрел и сразу – обратно.

– Зачем ездили? – Сухо поинтересовался Аксамитов.

– По вызову. Позвонил участковый Марченко. Сказал, что лучше мне приехать. Зачем, по телефону, не сказал, только он – человек серьезный; без дела тревожить не станет. Тем более, там – аномалия, территория, мне подконтрольная. Я поехал. И, вот!

– «И, вот»! – Мрачно сказал Бурый. – Что, теперь, прикажешь делать?

– Я, тут – при чем, товарищ полковник? – Искрение, удивился Злыдник. – Я, тут – совершенно не причем! Они сами прилетели!

– Ты, эту тарелку, своими нездоровыми фантазиями, накликал! – Горячился Бурый. – Помнишь прошлогодние телерепортажи, которые организовывал?! Когда, к нам российская ракета прилетела?!

– Подождите, полковник. – Сказал Аксамитов. – Давайте – по существу! Виноватых будем искать потом.

Председатель взглянул на Злыдника:

– Сомнений быть не может? Это – тарелка?

– Она, самая. Геннадий Петрович, даже контакт установил.

О Геннадии Петровиче, астральном синоптике, из Молочаевской аномалии, знали все присутствующие. Геннадий Петрович Мирошниченко, в деревенском обиходе – Гена Кукурузник, получил широкую известность не только в Белоруссии, но и за границей республики. Его знали в России, знали на западе. Его знали, даже в странах ближнего и среднего востока. Правда одна деталь, из жизни гражданина Мирошниченко, была известна, лишь людям посвященным. А, именно – односельчанам и сотрудникам КГБ. Лет десять назад, недалекий, от рождения, Мирошниченко усугубил свое психическое здоровье, заблудившись в необъятных кукурузных полях, колхоза «Светлая Заря», и проблуждал, там все лето. Помогло выжить незадачливому экстремалу его обостренное чувство обаяния. Если с восприятием реальности у него было не все в порядке, то это компенсировалось обостренным нюхом.

– Большие деньги, мог бы в «Шанели» заколачивать. – Говорили про него, односельчане. – Ему одеколоны смешивать, как два пальца, об асфальт.

– На таможне, или, там, в наркоконтроле, мог, тоже, до высоких чинов дослужиться. – Соглашались, с ними собеседники. – Мимо него, без спросу, ничего не пронесешь. Ему кокаин, какой унюхать – раз плюнуть.

Во время, своих вынужденных скитаний, Геннадий Петрович, обнаружил белорусские трюфеля и питался ими, до уборочной. Он стал их первооткрывателем. Причем, белорусские, постэволюционные трюфеля, били свои французские аналоги, по всем статьям. Они превосходили их размерами, утонченностью аромата и вкусовыми качествами. Орден, за столь ценное открытие, ему не дали, только потому, что грибы обладали побочным эффектом. Употребленные в большом количестве, в купе со спиртными напитками, они вызывали галлюцинации, причем исключительно в уфологической плоскости.

Съехавшиеся, в прошлом году, к месту падения российского корабля многоразового использования, шпионы, в поисках информации, в большинстве своем, посетили местную достопримечательность, в лице астрального синоптика. В гостях у Гены Кукурузника, они, выпытывая секретную информацию, выпивали и закусывали. Закусывали грибами. Поэтому в заграничных разведывательных центрах, до сих пор ломали головы, над сообщениями своих сотрудников. В аппарате ведомств, никак не могли придти к единому мнению: что, там собственно происходит, в этой Молочаевке. Что, там – пространственная деформация или все это, их агентам, только почудилось?

– Геннадий Петрович, говоришь? – прищурившись, спросил Аксамитов, Злыдника.

– Тут, все в порядке, товарищ генерал. Контакт он устанавливал, в присутствии свидетелей. Так, что – факт налицо.

– Я не совсем понял, насчет посадки. Что, там – со свидетелями? – спросил Аксамитов.

– Я, же, говорю. Свидетели, допризывного возраста. Молодежь. Влюбленные парочки. Ночью гости сели, когда устоявшиеся люди, уже спят.

– Верить, им, можно? – Спросил Аксамитов.

– Можно. На деревне, сейчас, всем верить можно. Они, если говорить не хотят, то молчат, но, если скажут, то – скажут. Сами знаете.

– Знаем. – Нахмурился председатель.

– Ты продолжай, продолжай. – Поощрил, Злыдника, Жемчужников.

– Значит – так. – Собрался майор. – Сели они ночью. Около половины второго ночи. Хронометрически точно, установить время посадки не удалось, но – в промежутке, между часом двадцати пятью и часом тридцати пятью минутами. Сели без рева турбин, с легким свистом.

Наблюдалось голубое свечение, в нижней плоскости. Выпустили восемь опор и, на них опираются. Корпус металлический. По виду и на ощупь. Я лично ходил и проверял. На стук отзывается не звонко, а глуховато. Метал – такой.... Типа – алюминия или магния. Мирошниченко, после обхода, возвращался домой, но, понятно, сразу вернулся. Сразу начал обтапывать ямсовую поросль, вокруг объекта.

– Зачем? – Разом, спросили Жемчужников и Аксамитов.

– Видимо решил, что это явление временное и скоро растворится. Решил пометить территорию. Он, же – специалист, по таким делам. Мы, могли растеряться, а он нет. Потом послал, кого-то к себе, за фотоаппаратом. Вот снимки.

– Ты, чего, раньше, молчал? – Раздраженно спросил председатель.

– Я не молчал. Я последовательно излагаю. – Продолжая оставаться серьезным, ответил руководитель Инициативной Группы, выкладывая на стол фотографии.

Руководство стало их рассматривать, передовая друг, другу.

– На паука похоже. – Сказал Жемчужников.

– Вот-вот! – Согласился майор. – Местные, эту штуку, так и окрестили. Фотоаппарат, я у Геннадия Петровича изъяс. Родителей, Ромео и Джульетт, попросил конфисковать, у отпрысков, мобильники. Пока ситуация не прояснится.

– Момент, контакта, что заснять не удалось? – спросил Бурый.

– Не засняли. – Вздохнул Злыдник. – Геннадий Петрович, сам контакт устанавливал, поэтому не снимал. Молодежь, тоже. К этому времени, старшее поколение подтянулось. Запретили.

– Ну, а по описанию, они – чего? Какие – из себя? – С искренним любопытством, поинтересовался Жемчужников, облокотившись, о стол.

– Все, как в кино, товарищ генерал. Существа – человекообразные. Вылитые гомо сапиенсы. С лица – зеленые. Бледно-салатового цвета. Костюмчики, у них, как положено – облегчающие, серебристого оттенка. Половая принадлежность у всех одинаковая – трансвеститы.

Около минуты, в зловещей тишине кабинета, председателя КГБ Белоруссии, слышалась, лишь легкая барабанная дробь, которую тот выбивал пальцами, по столу.

– Кто это определил? Их половую принадлежность? – первым пришел в себя, Жемчужников.

– Все. Все определили. Единогласное решение. Костюмчики, у них, как я сказал – облегчающие. Подчеркивают все формы. Все – напоказ. В районе грудной клетки – женские формы, в районе паха – выпирает мужское. Как у балетных танцоров.

– Может, у них, там, что другое выпирает? – Спросил Аксамитов. – Космическое?

– Что космическое, это – точно. По масштабам. Выпирает отчетливо, с характерными признаками. Кроме того, двое, которые в районе грудной клетки – двойники спасательниц Малибу, были с растительностью на лице. Один с усами, другой с бородкой. Этому номеру третьему, бороду в черный цвет покрасить и, можно, на «Евровидение».

– Почему покрасить? – Спросил генерал Жемчужников.

– Почему – «номеру третьему»? – Задал вопрос генерал Аксамитов.

Злыдник ответил, по ранжиру; сперва председателю, потом его первому заместителю.

– Номера у них были на карточках проставлены. Арабской цифирью. Рядом с абстрактными символами. Карточки на шее висели. На веревочках. Вышли номера первый, второй, третий, четвертый и шестнадцатый. Насчет, бороды У этих космотайцев, черный цвет отсутствует напрочь. Прически, у них, всех радужных оттенков, только, не черные.

– Причем, здесь – шестнадцатый? – неизвестно к кому обращаясь, задумчиво, спросил Аксамитов. – По логике, вещей, должен был выйти пятый.

– Я, сразу, тоже, про это подумал. – Незамедлительно среагировал Злыдник. – По рассказам очевидцев, в ходе контакта, первые номера постоянно косились на шестнадцатого.

Словно опасались чего-то или искали поддержки. Поэтому, думаю, шестнадцатый – наш человек. Из контрольных органов.

– Все возможно, все возможно. – Сказал председатель. – Ладно! С этим потом разберемся! Давайте думать, что, нам с этим «Пауком», делать и какие будут последствия.

Трое руководителей уставились на Злыдника. Майор обреченно вздохнул и сказал:

– Первое – торговых представителей, на момент посадки в Доме быта, не было. По казино шлялись. Но утром приехали. Сегодня понедельник. Они, по понедельникам, приезжают посмотреть, на месте их офисы или нет. Тарелку они обнаружили. Ее, со второго этажа Дома быта, хорошо видно. Походили, посмотрели и разъехались. Обратно в Минск отправились. Российскую лабораторию, которая, там присутствует, я попрiderжал, до времени. Народонаселение относится к происшествию сдержанно и не очень толерантно.

– Что – так? – спросил Жемчужников.

– Не прижились гомосексуальные и трансгендерные поветрия, на селе. Все, кто – с расстройством личности, в города уходят. Вслед, за собаками. А тут прилетело неизвестно, что. Здрасте, мы из Таиланда! Я не сказал, еще. Контакт, у Геннадия Петровича, получился не очень.... Он посмотрел на этих гуманоидов, походил вокруг и ничего не сказал. Даже руки не подал. А, ведь, всю жизнь человек о таком мечтал!

– Делать – что? – Раздраженно спросил Аксамитов.

Злыдник, удрученно вздохнул.

– Ничего не делать. Делать вид, что ничего не происходит. Пока не разберемся. Цель визита, надо выяснить. Намерения, так сказать. Сотрудничать они хотят или для порабощения прибыли. Афишировать факт прилета, пока не будем. Нам новое нашествие в Молочаевку ни к чему. Жителям, прошлогодней экспедиции хватило. Они, еще, от «Ласточки», не очухались. А, тут, нате – «Паук» прилетел.

– С торговыми представителями, зарубежных государств, что делать? – Спросил Жемчужников. – По имеющимся данным, их, там – пруд пруди.

– Прудили прошлой осенью. Торговые представители, первоначальный запал потеряли. Вложились в наше сельское хозяйство. Ждали, что после этого, доступ к галактическим технологиям получат. Не дождались и завяли. Ропщут, конечно. Но не в открытую. К властям, у них претензий быть не может. А, с артельщиков, – какой спрос? Если пустить среди них слушок, что это деревенские, специально такую штуку сварганили, чтобы оживить процесс инвестирования, они задумчиво молчать будут. Или отрываться невразумительными сообщениями.

– Пройдет, такой вариант? Как думаешь? – Обратился Аксамитов, к Жемчужникову.

– Думаю, для начала, подойдет. – Сказал Жемчужников.

– Мне, наверх, докладывать надо. – Вздохнул Аксамитов. – Вот сию, думаю – может в госпиталь лечь, от греха подальше. Пусть, полковник Бурый доложит. Ведь его управление, этим вопросом, вплотную, занимается.

Полковник Бурый слегка побледнел.

– Шучу, я. – Устало сказал Аксамитов.

Потом, генерал подумал немного и принял решение.

– Докладывать, разумеется, буду сам. Только Только, после того, как увижу все, своими глазами. И пощупаю своими руками. Возникает вопрос – как это осуществить, чтобы не засветиться? Иначе вся операция прикрытия пойдет насмарку. Председатель КГБ, фиктивную тарелку, осматривать не ездит.

Генерал вопросительно взглянул на своих заместителей. Те, в свою очередь, обратили пристальное внимание, на Злыдника. Майор смущенно кашлянул и сказал:

– Можно устроить. Только, мне, со своей агентурой, связаться надо. Думаю, в течение часа, решу вопрос.

Чрезвычайная тройка, в составе двух генералов, Аксамитова и Жемчужникова, а, так же полковника Бурого, прибыла в Молочаевку, около часа дня. Прибыли скромно, на микроавтобусе, без сопровождения. За рулем сидел прапорщик Янушко, который пользовался особым доверием руководства, за умение держать язык за зубами. Проезжая, по деревне, еще издали разглядели майора Злыдника. Тот, в обществе обворожительной девушки, выглядевшей, как дюжина фотомоделей разом, встречал их, возле местной картинной галереи.

– Хочется поработать, в местных условиях. – Вздыхнул Жемчужников, глядя на спутницу майора. – Девчонка – как с плаката!

Генерал Аксамитов ничего не сказал, просто, выразительно кивнул.

Когда микроавтобус остановился, рядом с парочкой, полковник Бурый отодвинул раздвижную дверь и спросил у подчиненного:

– Что скажешь?

– Все в порядке. – Ответил Злыдник. – Секретность обеспечена. Можете выходить. А можете не выходить. Можем проехать до места. Только вместе с Тоней.

Жемчужников подтолкнул локтем Аксамитова:

– Выходим!

Первым наружу выскочил полковник Бурый. За ним, выбрались генералы.

– Уверен, что не засветимся? – Спросил Жемчужников.

– Уверен, на все сто процентов. – Четко, без ужимок, ответил Злыдник. – Пока Тоня, с нами, можем, хоть, провода снимать, никто не почешется.

Генерал Аксамитов, многозначительно поджал губы и представился девушке. Генерал Жемчужников поклонился и поцеловал руку. Полковник Бурый, насколько это позволяло его атлетическое телосложение, элегантно поклонился.

– Так, какое будет решение? Пойдем или поедем? – спросил майор.

– Давайте пройдемся. – Сказал Жемчужников. – Развеемся. Когда мне еще придется прогуляться в обществе столь милого создания. Ты – как, Александр Владимирович?

– Давайте. – Согласился Аксамитов. – Все-таки, за город выбрались.

Мимо них, не обратив никакого внимания, на присутствие посторонних, пронеслась стайка юных велосипедистов.

– Товарищ генерал! – обратился Злыдник, к Аксамитову. – Вы, как желаете, здесь присутствовать? Сохраняя полное инкогнито, или местным жителям, желаете представиться?

– А, что – полное возможно? Чтобы – полное? – Заинтересовался председатель, шурясь, одним глазом, на Тоню.

– От местных жителей, полностью прикрыться не удастся. Только, процентов на восемьдесят.

– На шестьдесят, шестьдесят пять. – Поправила Злыдника девушка.

– Тогда, не надо. Глупо, как-то получится. – Сказал Аксамитов.

– Да, и, неприлично, с нашей стороны будет. – Покивал головой Жемчужников. – Нас здесь знают. Причем, не с плохой стороны.

– Тогда – все. Можно идти. – Сказал майор.

Представители Комитета Государственной Безопасности, в сопровождении девушки, тронулись, вдоль по улице.

– Иван Ильич, куда, это, ты, меня, все время подпихиваешь? – Стал возмущаться Аксамитов.

– К девушке, тебя, подпихиваю. Тебе, как главному, положено с ней рядом идти. По ранжиру.

Аksamитов фыркнул, но смирился. Тем более что Тоня взяла его под руку, и вырываться было глупо. Местные жители, попадались навстречу редко. Было ясно, что о приезде высокого руководства, здесь, знают и назойливо досаждают, начальству, не намерены. Было видно, что все встречные идут по делу, и другого пути у них нет.

Отвечая на приветствия, генералы дышали полной грудью. Только полковник Бурый сохранял на лице привычную суровость и профессиональную нейтральность.

Сотрудники комитета, еще не вышли из деревни, а таинственный аппарат уже образовался на горизонте. Когда они прошли немного по дороге, соединяющей две дружественные деревни, Молочаевку и Погорельцы, прилетевший объект стал, виден целиком. Он стоял, недалеко от дороги, на высоких опорах, посреди ямсового поля.

– Как есть – паук. – Удовлетворенно сказал Жемчужников.

– Ты, чему радуешься? – Спросил его Аксамитов.

– Радуюсь, что мне, после нового года – на пенсию.

– Давай, радоваться на пару. По всем приметам, вместе, на пенсию, отправимся.

Народу, рядом с кораблем пришельцев, было немного. Человек пятнадцать сельчан, стояли небольшими группами, обсуждая происшествие, да небольшая стайка детишек глазела на «взаправдешний» космический корабль.

Бурый отметил, этот факт:

– Маловато, встречающих.

– С утра, народу было больше. – Сказал Злыдник. – Люди приходят и уходят. Чего торчать, без толку, если ничего не происходит.

Среди взрослых, выделялась отдельная группа, стоящая немного особняком. Это был пожилой, но не старый мужчина, в окружении трех женщин. Внимание привлекали именно женщины, составляющие ему компанию. Одна, та, что помоложе, во всем походила на Тоню – удалась ростом, стройностью ног и чертами лица. Две другие были постарше, в районе сорока, ростом не удалась, правда, только по отношению к третьей; но во всем остальном радовали глаз. В сущности, эта парочка различались, только, цветом волос. Одна была русая, вторая – жгучая брюнетка.

– Мы, с тобой, Владимир Александрович, все сомневались, что тут – настоящая аномалия. – Хмыкнул Жемчужников. – Видимо – зря. Ты, посмотри, что творится! Тут, все женщины – аномальных параметров. Про нашу спутницу, я, даже не говорю!

Жемчужников отвесил, в сторону Тони, церемонный поклон.

– Погоди Иван Ильич! Майор, эту штуку рукам можно потрогать? Силового поля нет, как в кино? Лазерами, не стреляют?

– Можно. – Ответил Злыдник. – Я трогал. Геннадий Петрович ощупывал. Народ, сразу, кто прибудет – идут соприкоснуться, первым делом.

– Ну, что, же! Пошли, и, мы. – Подняв плечи, глубоко вздохнул Аксамитов.

В шестнадцать часов, у генерала Аксамитова, было назначено расширенное совещание. Однако оно задерживалось. Председатель комитета – генерал, пять начальников управлений, генерал и четыре полковника, были наготове, но томились, по своим кабинетам, в ожидании прибытия майора Злыдника.

Руководитель инициативной группы прибыл в шестнадцать – двадцать пять. В шестнадцать тридцать, совещание, наконец, началось.

– Майор, вам было ясно сказано, во сколько назначено совещание! – Раздраженно сказал Аксамитов. – До вас, что не доходит?! В каком режиме времени вы живете?!

Полковники Шконда, Федосов и Фирсов, после этих слов, стали солидарно, с руководством, сверлить глазами Злыдника. Непосредственный начальник последнего, полковник Бурый, стал задумчиво рассматривать ноготь, на среднем пальце.

– Прошу извинить. Задержался. Перед отъездом, нужно было провести подробный инструктаж! – Вскочил Злыдник. – Каждому ведомству и учреждению, следовало обозначить линию поведения, в зависимости от специфики.

– Садитесь. – Сказал Аксамитов.

Он оглядел всех присутствующих, и спросил:

– Все, в курсе происходящего?

Ответом на вопрос было молчание. Генерал Жемчужников и полковник Бурый были в курсе, о чем председатель знал, поэтому молчали, утвердительно. Злыдник, тоже, на рожон не лез. Федосов, Фирсов и Шконда молчали, в напряжении, лихорадочно соображая, в курсе чего им следует находиться. О том, что председатель сегодня, два раза, отлучался, они знали. Но в суть вещей не проникли.

– О чем, разрешите узнать, идет речь? – Спросил плотненький Федосов.

– Вот, сейчас, майор Злыдник просветит, если кто – не в курсе.

Майор Злыдник просветил. Речь его была краткой, но содержательной; без церемонных отступлений. Когда он кончил говорить, Аксамитов спросил:

– Теперь, все – в теме?

Федосов, Фирсов и Шконда выглядели, уже не, так бодро, как в начале совещания. Они были готовы ко всему, только не к прилету гуманоидов. По календарю, сегодня было не первое апреля. Кроме, всего прочего, им было известно, что Аксамитов пошутить любил, но в розыгрышах замечен не был. Да и Злыдник был непривычно собран и сосредоточен. Приходилось верить. Правда, поверив, полковники не могли все до глубины прочувствовать. Не могли, сразу, проникнуться душой и сердцем. От этого, они выглядели вяло и рассеянно.

– Кому следует, я, уже доложил. Так, что тот, кому надо – в курсе. – Взял слово генерал Аксамитов. – Вопрос этот мы подробно обсудили. Была дана оценка ситуации, как она видится в международном масштабе. Предварительная. Не окончательная. Скажу одно: ситуация – хуже некуда. Во всех отношениях. Чем это грозит человечеству – неясно. Чем это грозит нашему государству, на фоне угрозы человечеству, тут вариантов много. И все не радуют. Все варианты – отвратительно удручающие. Поэтому, была поставлена задача, искать пути выхода, из кризиса. Причем, в срочном порядке.

– А, что, здесь – плохого? – Оживился полковник Фирсов. – Не российский аппарат залетел, а настоящий. Высокотехнологичный. Может пришельцы технологиями поделаться.

– Вот, ты, Фирсов не понимаешь критичность ситуации. Вот Федосов понимает и молчит. Понимаешь, Федосов?

– Понимаю.

– Ну, и, насколько все плохо?

– Настолько плохо, что словами не высказать.

– Раз, ты не можешь, тогда я выскажусь.

Генерал Аксамитов тяжело вздохнул.

– Значит – так. – Начал он. – Фирсов, о технологиях, заговорил. В них-то – вся проблема. Не вся, но значительная доля. Мы с земными технологиями, еще не разобрались, а нам могут навязать внеземные. Вот, майор, в прошлом году пошутил неудачно – до сих пор, от торговых представителей, со всех концов мира, избавиться не можем. За деньги, которые пришли в страну, тебе Злыдник, конечно – спасибо. Но, лучше, у китайцев кредит взять, только, чтобы – без всей этой суматохи. А если серьезно Чем это грозит, еще не дошло? Объясняю. Пришельцы, к нам, издалека залетели. Из миров, которые землянам не доступны. Мы к ним летать не можем. Выходит, они продвинутые ребята. Допустим, предложат они, что-то свое.

Что за этим последует? Не подумали? А, там – Аксамитов показал пальцем в потолок. – Там подумали. Все наши, земные, имеется в виду, высокотехнологичные компании, враз, обрушаться. Что будет? Будет кризис. Причем глобальный. И, не просто глобальный, а прямо – глобалистический. Никому мало не покажется. Даже сырьевые государства закачаются. На каком-то топливе, альтернативном, эти, ведь, до нас долетели. Так

Аksamитов помолчал недолго и продолжил:

– Это было первое. Второе. Когда об этом визите узнают, за рубежом, что начнется?

Ответом, ему, было молчание.

– Правильно думаете. Начнется вакханалия. Все захотят перетянуть их на свою сторону. Неизвестно, каких политических взглядов эти гермафродиты придерживаются. На чью сторону они станут. Хорошо, если атеисты прилетели. А если мусульмане? Как, вам – такой расклад?! И – третье Что, там – третье? Общее. Представляете, какая волна, по миру покатит? Все психи воспрянут. Все группировки левые и правые на улицы выйдут митинговать и мусорки жечь. Парализуют все. Без обвала высоких технологий, кризис грянет, анархический. Это я вам, в общих чертах, преподнес. Развернутую картину, каждый может домыслить, на свой манер. Теперь, собираемся и думаем. Когда, кто, что придумает – берет слово. Общих рассуждений не надо. Не та ситуация.

– О чем думать? – Ошеломленно спросил полковник Шконда.

– Думать, о главном. Что, нам, теперь делать.

Наступило молчание. Молчали долго. Молчали упорно. Никто не хотел лезть вперед. В конце концов, всем это надоело и члены совещания, оторвав взгляд от председательского стола, стали крутить головами, поглядывая, на соседей.

– Ну! Есть предложения? – Спросил председатель.

– Может, полковник Бурый, что надумал. – Вкрадчиво спросил Жемчужников. – Его управление, в прошлом году, по пришельцам, уже работало.

Трое заместителей председателя, которых прошлогодняя эпопея с российским кораблем, севшим в Молочаевской аномалии, зацепила, только боком, облегченно вздохнули. В то, же время, Федосов, Фирсов и Шконда смотрели на полковника Бурого, с любопытством. Оказывается, тот по инопланетянам, уже, не в первый раз работает. А, они – ни слухом, ни духом!

Полковник Бурый не знал, о чем думали остальные, в период времени, отпущенный Аксамитовым, но сам полковник, думал не о пришельцах, ни о катаклизмах, а о том, как выкрутиться. Он не сомневался, что первым слово дадут ему, и поэтому был готов, к этому.

– Для того чтобы реагировать. Надо знать, на что реагировать. И какие меры реагирования, нам по силам. Вот майор Злыдник, в начале совещания, сказал, что инструктировал власти, на местах. Хотелось бы услышать, какие меры он предпринял, и на каких основаниях. Он, там – в гуще событий. От чего-то, он наверно отталкивался. Может, на основании его информации, и мы обречем точку опоры?

– Что скажете, майор? – Спросил Аксамитов, гоня, прочь нехорошие предчувствия. – Сидите, не вставайте.

Злыдник, в отличие, от заместителей, во время паузы, думал целеустремленно. Он крутил головой, дергал, под столом, ногой и загадочно шурился. Получив слово, он прищурился, в последний раз, и заговорил.

– С тарелкой, конечно, нам не повезло. Не вовремя это. Хотя, что ни возьми, в нашей работе, все не вовремя. Но не все так плохо, как кажется, на первый взгляд.

– То, есть – как? – Удивленно спросил Аксамитов.

– Нет, это не ко времени, конечно, товарищ генерал! Но, слава богу, что она у нас села. Вы, ведь сказали, про катаклизмы. Вот, я и подумал. А, не дай бог в Америку, она бы приземлилась? Все бы уже давно рухнуло. Вся мировая экономика. Если бы в Россию, залетела, то ядерная война уже бы шла. Трамп, не дала бы русским шанса. То же самое с мусульманскими

странами. Там бы, тоже полыхало, в районе этого блюдца. А, так – все хорошо. Она у нас. Вокруг, пока все тихо. Никто не шумит, ядерными боеголовками не сыплет.

– Нас не засыплешь. – Буркнул неугомонный Фирсов. – Системы наведения не сработают.

– Вот, и, я говорю. – Еще более оживился Злыдник. – До нас не долетит. Все по краям ляжет. А, у нас по краям, с трех сторон – НАТО, с четвертой ядерная супердержава. Особо не раскидаешься! Значит, на позиции ядерной безопасности, мы стоим прочно. Что касается нового мирового экономического кризиса. Тут, все козыри у нас на руках. Тут непочатый простор, работы, для дипломатов. Надо, там объяснить, и справа и слева, что мы можем отказаться от несвоевременных технологий, в обмен, на земные, самые передовые. Пусть «Силиконовая долина», к нам, переезжает. Это в том случае, если за границей, что-то пронюхают. Если не пронюхают, возьмем что-нибудь необходимое у пришельцев. Самое застарелое. То, что им – без надобности. Освоим. Втихаря. Подыдемся, как бы сами по себе. Что касается мероприятий. Я переговорил с местным руководством, представителями делового мира, активом. Предложил вести себя, как обычно.

– «Как обычно», это – как? – Спросил Бурый, массируя веко, которое зажило самостоятельной жизнью.

– Как наши, на селе себя ведут? Спокойно. По поводу знаменитостей и пришельцев, не дергаются. Встречают приветливо, но в ноги не кланяются. Мы этот вопрос обсудили в узком кругу

– С кем – конкретно? – Уточнил Аксамитов.

– На скорую руку, с участковым Марченко и Ириной Витольдовной.

– Хорошо. – Кивнул председатель.

Этот кивок, дал понять трем непосвященным начальникам управлений, насколько они отстали от жизни. Если председатель лично знаком с отдельно взятым участковым и таинственной Ириной Витольдовной, из деревни Молочаевка, то надо, и, им поглубже вникать в оперативную обстановку, на отведенных участках деятельности.

– Решили, так. Когда торговые представители тарелку увидят, на их вопросы отвечать правдиво, но уклончиво. То есть, по поводу тарелки, говорить истинную правду, как на духу: «Не знаем». Ведь, что это – за приспособление, досконально никому не известно. На селе сейчас не врут. Но, тарелка – это, летающая, космолет, модуль гиперпространственный или, что – еще? Навскидку, с одного взгляда, не определишь. Было решено высказывать, только предположения. Мол, это возможно – что-то сельскохозяйственное, раз стоит в поле. Точнее, кому интересно, могут поинтересоваться в Институте Эволюционизма, у академика Мышковца. Его, это – детище или нет. Академик он – секретный. Так, что огражден, от назойливых посетителей. В плане творческой научной деятельности, мы ему этим не навредим.

– А если гуманоиды наружу вылезут и расхаживать начнут? – Ехидно поинтересовался Федосов. – Они, же – салатовые, сам говорил. На это, местные, как отвечать будут?

По тому, как удрученно вздохнул Аксамитов, усмехнулся Жемчужников и скривил щеку Бурый, Федосов понял, что попал впросак. Злыдник не кривился и ничем не дергал, а просто объяснил непосвященному начальнику Аналитического Управления.:

– Фирмачей, теперь, в белорусской деревне зелеными человечками не удивишь. Даже шпионы знают, что зеленый окрас, у нас не редкость. Его, на селе, как насморк, на ровном месте подхватить можно. В прошлом году деловые круги, в полном составе, волочебников, в Молочаевке наблюдали. А, те были даже, не зеленые, а, прямо, изумрудные. Чистые – страшили. Приезжие сразу, сразу, купились, на белорусскую экзотику. Стали их прикармливать. Так они днями и ночами, стали у них под окнами петь. Они, потом не знали как от этих, зеленых чертей, избавиться.

Федосов, из объяснений Злыдника, мало, что понял, но по тому, как чуть заметно стали улыбаться Жемчужников и Аксамитов, сообразил, что они в теме разбираются, и дополнительных вопросов задавать не стал.

Вопрос задал генерал Жемчужников:

– Иван Иванович, ответь на один вопрос, только прямо. Я, до пенсии, дотяну? Мне, ведь, не долго осталось.

– Все будет, в порядке, товарищ генерал! – С энтузиазмом, сказал Злыдник и добавил:

– Рано, вам, на пенсию! Поработаем, еще!

Жемчужников устало прикрыл глаза. Генерал Аксамитов, легким покашливанием привлёк, к себе внимание.

– Я, так, понял, что инициативная группа готова все взять в свои руки?!

У Бурого, стало дергаться веко, с другой стороны.

– Прикажете – выполним любое задание! – Энергично расправил плечи Злыдник.

– Или, вы, полковник Бурый, возьмете командование на себя?! – Спросил председатель.

Всем сразу стало видно, что Бурый разрывается, на две части. Брать, в свои руки, командование ему не хотелось. В очередной раз, запускать, в аномалию Злыдника, тоже. Борьба двух противоположностей длилась, впрочем, недолго.

– Инициативная группа, там, уже работала. Контакты, у майора Злыдника, налажены. Думаю, он справится. – Через силу, выдавил Бурый.

– Так и запишем. – С удовлетворением, сказал Аксамитов. – Начальник Центрального управления, рекомендовал поручить выполнение задания, особой государственной важности, майору Злыднику.

Бурый, после этих слов, настолько переменялся в лице, что все, без исключения подумали, что он сейчас попросится на гражданку.

– Перейдем, к конкретным вопросам. – Сказал Аксамитов, внимательно наблюдая, за состоянием, полковника Бурого. – Майор, что, вам, потребуется, для выполнения задания? Какие силы и средства?

Тут, Злыдник заметно подрастерялся. Он задумчиво сказал:

– Честно говоря, пока, не знаю. Знаю, только, что войсковой операции не потребуется. Пришельцы – не земляне. Трудно, наверняка, сказать, как события будут разворачиваться. Общая информация потребуется, по поводу земного человечества. Я имею, в виду – приезжих. Надо быть в курсе, кто, из сумасшедших, к нам пожалует. Чтобы реагировать, без промедления, когда они в зону припрутся.

– Это, Шконда, по твоей части. – Обратился Аксамитов, к начальнику Транспортного Управления. – Тщательно отслеживай пересекающих границу. Особенно профессоров, всяких. Тех, которые – самые разумные. Которые – по славянской космонавтике и цивилизациям юрского периода.

– Вас понял. – Кивнул Шконда.

– Ежедневно подавай список всех подозрительных туристов. Мне, лично, и всем начальникам управлений – по экземпляру, каждый день. И майору Злыднику, в Молочаевку. Злыдник, куда отправлять списки? На какой адрес?

– На имя участкового, капитана Марченко. Я дам координаты.

– Хорошо. Полковник Федосов! Скрупулезно анализируйте всех, кто к нам прибудет. Не только на предмет шпионажа, но и на предмет научной деятельности. И даже увлеченности.

– Все ясно. – Кивнул Федосов. – Будем проверять, даже на предмет психического состояния.

– Да. – Кивнул председатель. – Бурый, прибывших издалека, тех, кто состоит на учете, с нервными расстройствами, сразу брать в плотную разработку. Тут, сразу ясно – наши клиенты.

Аксамитов задумался, на пару секунд.

– Может, следует привлечь специалистов из Новинок? – Спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Пусть они, сразу в аэропорту, проводят собеседования, с приезжающими?

– Можно. – Согласился Шконда. – Поголовно, конечно, всех не охватим, но выборочный контроль не помешает.

– Теперь – самое главное. – Сказал председатель. – Информация, о тарелке, за рамки, участников этого совещания, просочиться не должна. Сотрудникам, давать отдельные поручения, узкой направленности. Обобщать информацию будем, только в ограниченном составе

– Фирсов, чего ты ежишься? На деревню, хочешь?

– Было бы неплохо, мне лично, на прилетевшее оборудование, взглянуть. – Сказал Фирсов. – Это, по моей части. В сфере компетенции, моего управления!

Глаза Фирсова, фанатично блеснули.

– Злыдник, можешь устроить полковнику экскурсию? – Спросил Аксамитов.

– Можно.

– Мне бы поработать, на месте. – Вздыхнул Фирсов.

Аксамитов понимающе кивнул.

– Майор сможете обеспечить полковнику прикрытие, на длительный срок?

Злыдник серьезно задумался.

– погоди, Александр Владимирович. – Остановил, председателя, Жемчужников и обратился к Фирсову.

– Полковник, вы женаты?

– Нет. Уже – нет. Три года.

– Тогда, вариант, с прикрытием не пройдет. – Сказал Жемчужников. – Сам, подумай, Александр Владимирович, какой, у него настрой будет, под этим прикрытием. Ему, не до работы будет.

– Можно, его, под чужими позывными, на месте, зарегистрировать. – Сказал Злыдник.

– Ну, продолжай. – Поощрил его Аксамитов.

– Каким родом деятельности, товарищ полковник занимается, каждому видно. Особенно у зарубежных представителей, на это глаз наметан. Они, хоть и экономические, но все-таки – шпионы. Поэтому, нужно представить полковника Фирсова, как сотрудника института Эволюционизма. Из службы безопасности. Так, мы двух зайцев убьем. И, полковнику – простор, для деятельности, и врагов в замешательство приведем.

– Пространнее, излагай. – Попросил Жемчужников.

– Местные, как мы договорились, будут высказывать предположения, что это новая секретная разработка академика Мышковца, стоит в поле. Поэтому присутствие службы безопасности, из Самохвалович, будет смотреться естественно. Этим, в душе иностранных наблюдателей, мы поседем сомнения. Они гадать будут, что это – космическое или просто секретное.

– Неплохо. – Сказал Аксамитов.

– Только, в звании Фирсова придется понизить. – Сказал Жемчужников.

– В каком смысле? – Удивился тот.

– В смысле – конспирации. Нечего полковникам, вокруг сельскохозяйственной техники крутиться. Сделаем тебя, для работы в аномалии, майором.

Глаза Фирсова говорили:

– Хоть прапорщиком делайте, только дайте на инопланетную тарелку, лично взглянуть.

Иван Семенович Ломако был настолько возбужден, что его, даже не тянуло выпить. Выпить он, конечно, выпил, но без души, не переходя в состояние мечтательного покоя. Нерв-

ный зуд, внутри Ломако, терзал его внутренности и рвал их, на части. Появление в поле, за Молочаевкой, непонятно чего, нарушило размеренный ход жизни, руководителя секретной лаборатории, созданной «Роскосмосом», в Молочаевской аномалии, прошлым летом.

Ранним утром, когда «лаборант», как его прозвали в деревне, потянув первую чарку, зевал и потягивался на крыльце, его внимание привлекло движение сельчан, нетипично одно-стороннее, для этого времени суток. Жители Молочаевки целеустремленно шли мимо лаборатории, словно покидали деревню, всем наличным составом. Этот феномен, заставил Ломако спуститься с крыльца, подойти к проему в заборе, обозначавшему место, где должна была находиться калитка, и поинтересоваться, что это – переселение или, так, что происходит.

– Эх, Ваня, Ваня! А, еще – ответственный руководитель! – Покачал головой Михаил Степанович, прадед Марты Игоревны. – Это я, у тебя должен спрашивать, что происходит! Кто у нас руководитель космической лаборатории, ты или я? Ты? Так, почему, ты тут, а не на месте посадки? Геннадий Петрович, вон, уже, по второму кругу тестирование проводит, а ты – тут прохлаждаешься! Чего – тестирование, спрашиваешь? А ты сходи и посмотри!

Ломако метнулся в дом, торопливо хватанул вторую чарку и помчался в поле, за деревней. Увиденное, ошеломило его. Он, даже, сгоряча, решил, что это – «белочка». Он, так, и спросил у Николая Понаморенко, местного предпринимателя, который курил, на краю, народного собрания.

– Это, что – «белочка», у меня?

– Ну, ты даешь, Иван Семенович! – Усмехнулся Николай Андреевич, сверкая золотой коронкой. – Сколько, тут, уже прожил, а никак, не привыкнешь! Это у вас, в России, белочки, по тайге, скачут. А, у нас, в Белоруссии – «кони».

Для убедительности, Понаморенко потряс кулаком, словно демонстрируя, какие у белорусов мощные и резвые «кони». Куда – российской белочке, до белорусских скакунов.

– Так, чего это?! Оно – самое, или кажется? – Спросил Ломако, тревожно вглядываясь в загадочный объект, стоящий на восьми мощных опорах, в ямсовом поле.

– Оно, самое. – Подтвердил Понаморенко.

– Что, теперь, будет?

– Что, теперь, будет, Иван Семенович? – В свою очередь, спросил Николай Андреевич. – Я думал – ты лучше знаешь. Ты, же – научный работник, исследователь аномальных проявлений.

– Это Коля – все ерунда. Исследовать – не проблема. Тут, вопрос – в другом. Что наверх докладывать.

– А, надо?

– Кто его знает. Наверно, надо. Только – как? Скажи, как не выйти за рамки? Чтобы не сболтнуть лишнего. Хочется на руководящей работе задержаться, а не в лесу хворост собирать.

– Да проблема. – Согласился Николай Андреевич. – Самое главное – бесполезная штука. На металл не разберешь. Подрядя, на работы, у этих, наверно не получишь.

Понаморенко вздохнул и устался на загадочную штуковину, очень похожую на летающую тарелку.

Ломако, еще немного потолкался в толпе, прислушиваясь к разговорам.

Михаил Степанович, которого, на селе называли просто – Прадед, покуривая капустную самокрутку, критиковал сложившуюся ситуацию:

– Неправильно это. Не по людски.

– Вы о чем, Михаил Степанович? – поинтересовался кто-то.

– Это, какие, никакие, а – гости. Гостей встречать положено. А, мы, что?! Стоим, вылупились! В былые времена, все бы, от мала, до велика, в поле вышли! Уже столы бы ставили! Накрывали! Приглашали дорогих залетных товарищей.

– Так – тишина. Не выходит никто.

– Они, может, потому и не выходят, что мы непонятно чего, тут стали. Они может знака ждут. Хотят раскрыть наши намерения.

– Так, что, Прадед, ты предлагаешь столы ставить? Прямо сейчас! Тут, в поле?

– Ну, прямо сейчас не надо. Пусть, они вначале покажутся. Неизвестно, какой они конфигурации, и какой частью тела пищу потребляют. Может, им лавки не подойдут, может им лежанки готовить придется или раскорячки какие

– Стулья, с дырками! – Подсказал кто-то.

– А, что! И, такое возможно. Но не в этом дело. Скучно, у нас, народу собралось. Где – пионеры, с барабанами? Где – руководство? Где – хлеб-соль, наконец.

– Да, дожились. – Соглашаясь, с Прадедом, вздохнул, стоящий неподалеку, Леонович. – Раньше, молодежь было, от мотоцикла, не отогнать, а теперь тарелка прилетела, а они, хоть бы – хны!

– Правду говоришь. – Сказал Прадед. – После войны, к нам в Молочаевку, коров немецких, которых изъяли за причиненный ущерб, возили, на «студебекерах». Радости у нас, пацанов, было – полные штаны. За каждой машиной, от поворота до коровника, бегом бежали. Одна машина в деревне стала, так, возле нее, вся ребятня, от мала, до велика, собрались. Стали, как положено, технические характеристики обсуждать. Старшие хлопцы, про зажигание и трансмиссию говорят, малышня рты поразежала и внимает старшим. Тут шофер пришел. Тогда водителей не было, сплошь – шоферы. Парень, помнится, был молодой, поддатый. Только – от вдовушки. Говорит: «Ну, что? Прокатится, хотите?» «Хотим, дядечка, как не хотеть! Покатайте!» «Давайте, залазьте!» Никого упрасивать не пришлось. Полезли всем скопом. Дружно, так. Малышей, за руки, втащили. «Что – все сели?» – Спрашивает шофер. «Все, дяденька, все!» «Ну, поехали!» Тут, кто-то, из старших крикнул: «Шапки держите!» Это, значит – скорость, сейчас будет такая, что шапки, ветром, с голов, посрывает. Все, за шапки ухватились. Машина тронулась, все разом, на дно, и повалились, с шапками в руках. А, до этого, я говорил, коровы, на этой машине, катались. Что, там, на дне этого кузова творилось, словами не передать. Говна, по щиколотку, было. Считай, от сельсовета, до околицы, всех, по этому кузову мотало, от борта, до борта. На ноги не станешь – слизко. За околицей, слава богу, остановились. Шофер говорит: «Вылезте». Мы вылезли. Он спрашивает: «Как – понравилось?» «Ой, понравилось! Уже, так понравилось!» А, сами стоим, растопырились. Гавно, с нас течет Он заржал и поехал. Вот, так к техническим новшествам тянулись. Не то, что – теперь!

Прадед, весело прищутив глаз, стал растягивать потухшую самокрутку. Леонович, достал зажигалку и дал ему прикурить.

– Ты, тут – как, тезка? – спросил Прадед Миша.

– Позвонили. Сказали: «Вторжение». Вот пришлось мчаться.

– Быстро ты среагировал!

– Так – обстоятельства. Мои девушки дирижабль соорудили. – Павел Степанович кивнул на двух приятных женщин, стоящих неподалеку. – Домчали меня, мигом.

В это время, кто-то крикнул:

– Спускаются!

Весь народ, и Иван Семенович, в том числе, обратили свой взор в сторону «тарелки».

После непродолжительного контакта, который осуществил местный астральный синоптик Мирошниченко, народ стал задумчиво расходиться. Иван Семенович, наоборот, пришел в такое возбуждение, что помчался в лабораторию бегом. Здесь он успокоил расходившиеся нервы, стопкой местной лечебной настойки и принялся лихорадочно размышлять, какие дей-

ствия, он, как руководитель лаборатории «Роскосмоса», обязан предпринять, в виду сложившейся чрезвычайной ситуации.

Длительный период абсолютного бездействия, измотал, даже стойкого к подобным жизненным перипетиям Ломако. Собственно говоря, в его обязанности, как руководителя лаборатории, входило «Сидеть и не рыпаться». Такую инструкцию, он получил, от полковника ФСБ Калабалына, в прошлом году, когда лаборатория была основана, чтобы прикрыть, таким образом, заблудившихся в лесу, сотрудников космической корпорации. Тех, которые по недомыслию, решили прокладывать железную дорогу, в лесном массиве, с помощью лунного лазера. Тогда, лесные ароматы свалили с ног около сотни человек. Большинство, правда, в скором времени оклемалось и вернулось на родину, в Россию. Но десятка полтора, самых активных, лесной дух, зацепил серьезно. Эти здорово торкнулись и до сих пор бродили, где-то в белорусских лесах, в состоянии полной деморализации. Для сокрытия этих обстоятельств, от широкой общественности, и было создано вышеупомянутое научное подразделение. Считалось, что заблудшие в лесах, являются ее сотрудниками и усиленно работают над исследованием аномальных проявлений в районе деревни Молочаевка. Кроме людей, в лесу осталось и все оборудование, которое заехало туда, на двух железнодорожных составах. Оборудование было секретное и дорогостоящее. Его, до сих пор не списали, и оно числилось на балансе. По бумагам проходило, что его активно используют «лаборанты», для проведения научных экспериментов.

Сама лаборатория размещалась в обычном деревенском доме, который, до этого использовали в качестве конспиративной квартиры тунейдцы. Тунейдцы были подставные, специально выделенные белорусскими властями, для контактов с представителями союзного государства. С официальными властями, представители «Роскосмоса» сотрудничали не очень охотно, поскольку те отказывались осваивать космические деньги, по традиционным российским схемам. Схемы эти сводились к тому, что давайте все поделим, а вы нас прикроете. Но то ли делить собирались очень неравномерно, то ли белорусом не хотелось переходить на сухари, но подвижек в этом направлении не было. Поэтому с официальными властями, отношения, у «Роскосмоса», стали натянутыми, с самого начала. Для того чтобы как-то ввести российских космических генералов в курс дела, майором Злыдником была сформирована ячейка тунейдцев, которая информирования союзников, об особенностях новой постэволюционной действительности в сельской глубинке. После завершения операции, по подъему «Ласточки», ячейка была расформирована, а поскольку, в ходе проведения оперативных мероприятий дом, где обретались тунейдцы, числился у сельчан, как «логово», он таковым и именовался до этих пор. Когда туда переехал Ломако, его официально переименовали в лабораторию, но название это прижилось не очень. Можно сказать, что оно, даже, за год, не прижилось окончательно. В разговорах с Иваном Семеновичем, сельчане называли его хату «лабораторией», но, между собой, по-прежнему именовали «логовом». Тем более что в периоды продолжительных запоев, лаборатория и, одновременно, жилье Ломако, в таковое, и превращалось.

На первых порах, в конце прошлого года, когда последний состав спасательной экспедиции «Роскосмоса», покинул железнодорожный разъезд, под Погорельцами, Ломако испытывая, на старые дрожжи, приступы трудового энтузиазма, наведывался в российское посольство, чтобы обозначить, там, свое присутствие и дать знать, что работа, под его руководством, кипит. Продолжалось это, до тех пор, пока сотрудник миссии, Качинский, получивший, за успешную операцию, по спасению космического челнока «Ласточка», подполковника, не намекнул ответственному руководителю, что его действия идут вразрез, с настроями руководства.

– Тебе, что, Калабалин сказал? Помнишь? – Спросил Качинский. – Ну – вот! Сиди, тихо и не маячь. Чем скорее, про эту твою лабораторию забудут, тем – лучше. Чего ты носишься туда-сюда? Тебе, что денег не хватает? Прибавки хочешь? Будет тебе прибавка. Только остынь. Сиди, на месте, и на лезь на глаза.

Ломако, совету старшего товарища, внял и засел в Молочаевке. Зарплату, ему и в самом деле повысили. Плюс ко всему, стали выделять деньги на загадочную «амортизацию», которые, тоже шли Ивану Семеновичу, в карман.

На селе, Ломако прижился. Он стал чутко реагировать на реакции соседей. Когда те начинали осуждающе хмуриться, по поводу длительности его запоя, останавливался и начинал совершать оздоровительные прогулки в окрестностях. Иногда он, даже, помогал односельчанам, в их нелегком труде; подходил к работающим и вел умные беседы, на самые разнообразные темы. Подкован Ломако был разносторонне, разбирался во всех сферах и мог болтать часами, скрашивая трудовую деятельность белорусов, разными интересными фактами и поучительными историями, из жизни видных политических и исторических деятелей.

Прошлой осенью, после того, как бывший Дом Быта был переоборудован под офисное здание, где разместились торговые представители, со всех концов света, Ломако почуял, что пахнет хорошими деньгами и начал искать варианты, как присосаться к этим денежным потокам. Заметив его мятежное состояние, участковый Марченко, открытым текстом заявил научному руководителю, что, в случае, попытки последнего переступить закон, ему придется начхать, в его сторону.

– Основательно чихну. – Сказал капитан милиции. – Чтобы ты, Иван Семенович, до конца прочувствовал, дивную красоту белорусских лесов.

Намек Ломако понял. После приобщения к особенностям современной белорусской культуры, на буйной свистопляске, знаменовавшей окончание прошлогодней спасательной экспедиции, он в этом вопросе разбирался. Если, в сельской местности, людям на человека, становилось начхать, то тот отправлялся в лес на срок до года, осмысливать свое поведение. Если в его сторону плевали, то тут вариантов было много: от трех до десяти лет, в зависимости от тяжести содеянного. Кроме того, оплеванный обрастал мохом и разными лишайниками, что позволяло ему легче переносить зимние холода, в условиях лесистой местности.

Участковые чихали, в отличие, от обывателей, хлеще; годика на два, на три. Об этом Иван Семенович уже позже, узнал, от одного из своих сотрудников, который недавно вышел из леса и поведал о своих злоключениях.

– Теперь, понимаю. – Говорил бывший «ботаник», который в ходе беседы попросил обращаться, к себе, запросто – «Петрович». – Понимаю, что пожалел меня Марченко, прошлым летом. Не вовсю силу чихнул. Так, повел носом, в мою сторону. Мог и на большее чмыхнуть. Вошел в положение, что я приезжий.

– Ну, как оно – там. – Ерзал на табурете, Ломако.

– Амнезия – у меня. – Горестно сказал Петрович.

– Ты это брось. Я, на свистопляске, с гоблинами чокался, с кикиморами, на брудершафт, пил. Сам Железный Дровосек, меня благословил. Сам, понимаешь, мне знать можно.

– Чего рассказывать. Я, в самом деле, мало, что помню. Как в тумане – все. Сознание приходит урывками, как во сне. Тогда осознаешь, чего ты тут, по какому вопросу. Совесть начинает разъедать. Когда терпеть, уже силы нет – бац, выключилось все. Потом все, опять, мелкими урывками. Тут ветки собираешь, там ягоду берешь, здесь на кочке дрыхнешь

Петрович тяжело вздохнул.

– Я, как, полностью в сознание пришел, не понял сразу, что – все. Стою, посреди леса на поляне. Труха с меня сыпется.... Главное знакомо все вокруг. Соображаю, что можно, что нельзя, куда ступить лучше. Потом, вроде, как инстинкт сработал. Понял, что помыться надо, прежде чем в люди выйти. Помыться, понимаю, это – направо. Пошел. К болоту вышел. Ну, я тебе скажу, не болото, а, прямо – турецкие бани! Пар идет, от воды. Вокруг пальмы настоящие, бамбук, эвкалипты На ветках коалы сидят. Дальше, на горочке вроде, как поселок. Бабы гомонят, белье на веревках развешено. Я – туда. Подошел, смотрю женщина, с ведром. Меня увидела, как закричит: «Девки, сюда! Ботаник оклемался!» Ну, сбежались, эти девки. От два-

дцати до шестидесяти. Хохочут, на меня пальцами показывают. Потом успокоились, к себе повели. Сначала раздели, в полотенце завернули и показали бережок, где помыться можно. Пока я мылся, они мою одежду выстирали, на время другую дали. За стол посадили.

– Что – за женщины?! – Заинтересованно спросил Ломако.

– Этого я тебе не скажу. – Это, уже – личные данные. Их разглашать не положено.

– Ясно. А, что – потом?!

– Потом, собрался. Мне тропку показали, которая из леса ведет. Сказали к участковому обратиться. Он мне все объяснит, как и куда. Пришел, я к Марченко. Он ничего, из прошлого вспоминать не стал. Просто объяснил, что у меня теперь – амнезия. И рассчитался.

– Как, за что?!

– У него, просто на бумажке было записано, сколько положено. Если говорит, все хочешь подробно выяснить, к Ирине Витольдовне иди, бухгалтеру колхозному. У нее, говорит, вся информация в голове присутствует. Сколько тебе, за грибы начислили, сколько – за ягоду, сколько – за дрова.

Петрович полез в карман и достал оттуда стопочку евро.

– Вот! – Помахал он деньгами, перед носом Ломако. – Мне сказали, кстати, что от «Роскосмоса», тоже, зарплата шла.

– Шла. – Согласился Иван Семенович.

– Как бы рассчитаться?

– У меня – только подъемные. На обратную дорогу.

Руководитель секретной лаборатории подошел к сейфу, который был не заперт и достал оттуда, конверт, на котором была написана фамилия посетителя.

– Все – тут. Не сомневайся.

– А, я не сомневаюсь. – Ответил, тогда, Петрович. – Тут, в Белоруссии, ты сомневаться должен, все положил или нет.

Подобная обстановка, в которой не было места махинациям и, даже, элементарному разводу, удручающе действовала на Ломако. Особенно в последнее время. Теневой бизнес, в деревнях, не был под запретом. Он, даже, процветал, опережая официальные экономические показатели, во много раз, по самым скромным прикидкам, раз в десять. Но чтобы заниматься бизнесом, на селе, надо было работать. Причем, работать много и упорно. Иван Семенович, все собирался заняться какой-нибудь деятельностью, но как-то не получалось. Руки не доходили. Они, эти руки, то тряслись, то были заняты стаканом. В редкие промежутки трезвости, он решал, для себя – все! Пора браться, за дело! Тогда, Ломако бросал пить окончательно и бесповоротно. Он начинал разрабатывать бизнес-план, бегал консультироваться к сельчанам и в колхозную бухгалтерию. Суетился он до той поры, пока идея не вызревала окончательно. После этого, он начинал прикидывать, сколько заработает, на своем начинании. От масштабов прибыли, начинала кружиться голова. Тогда, он, вживаясь в образ успешного предпринимателя, позволял себе выпить рюмочку, после захода солнца. При свете дня – ни-ни! А, после заката – можно. После закатной рюмочки, Иван Семенович погружался в очередной запой, а, выйдя из него, начинал разрабатывать новую стратегию.

Сегодняшние обстоятельства выбили Ломако из колеи. Тут и стратегию разрабатывать не надо было. Тарелка, вот она! Стоит, прямо в поле. Гуманоиды, из нее вышли! Выкладывая в «Интернет» и собирай подписчиков. Дальше, деньги сами потекут В этом месте, в голове, раздавался тревожный стук, он вспоминал слова участкового, патриархальные настроения окружающих, и сердце сжимала, черствой лапой, смертная тоска. Чтобы унять тоску, он наполнял чарку, а поскольку пил натошак, вскоре пришлось пробираться, в дальнюю комнату, к раскладушке.

Проснулся Иван Семенович от чувствительных пинков и мощной тряски. Открыв глаза, он увидел, над собой, знакомое лицо и мигом очухался; протрезветь не протрезвел, но мог

действовать осмысленно. Лицо принадлежало майору Злыднику, из белорусского КГБ. Ломако слетел со скрипучего ложа, как потревоженный ниндзя – одним махом.

Разговор у них был короткий.

– Информацию не распространять. Держать себя в руках. – Сказал Злыдник.

– Мне руководству доложить надо.

– Понимаю. Донесение – не любовная записка. Его надо правильно сформулировать. Жди. Как говорит полковник Калабалин: «Сиди и не рыпайся».

– Откуда он знает, что мне говорил полковник? – подумал Ломако, когда майор ушел и отправился похмеляться.

Когда в голове прояснилось, он отметил, что появление Злыдника, оказало общее терапевтическое воздействие на организм. Прошел нервный зуд, сознание обрело равновесие. Иван Семенович начал мыслить здраво.

– Конечно, это маниловщина, насчет «Интернета» и супердоходов, с этой тарелки. Тут, как бы, то, что имеешь не утратить. Гуманоиды, это – простор, для широкой деятельности. Если в центре управления узнают, финансирование могут увеличить. С увеличением денежной массы, на мое место охотников будет предостаточно. Конечно, долго, тут новичок не продержится, махнет рукой, на высокую зарплату – за орехами в лес пойдет. Но меня могут начать перекидывать туда-сюда. Часть средств уйдет неизвестно куда. Ерунда получиться. А, ведь правильно майор рассуждает! Торопиться, тут, не надо!

Горячим июльским вечером, когда солнце, уже, почти, село, а раскаленная земля продолжала согревать атмосферу, майор Злыдник подъехал к зданию Молочаевской администрации. Народу, здесь сегодня было необычно много. Начальник Узденского УВД, подполковник Лизурчик, курил, возле своей машины. (Личной). На крыльце сидел, обмахиваясь кепи, участковый, капитан Марченко. Он вел размеренную беседу с Леоновичем Павлом Степановичем, человеком не местным, но хорошо известным, на селе. Еще человек десять сельчан стояли кружком, негромко обсуждая последние события. Поодаль стайка детишек наблюдала за взрослыми, ожидая, когда что-нибудь начнет происходить.

Прибытие Злыдника, создало легкую рябь, на поверхности этого тихого омута. Сельчане кивнули ему издали. Лизурчик понес окурки в урну, а Марченко и Леонович, замолчали. Участковый водрузил кепи на голову, но с крыльца не встал.

Злыдник энергичным кивком, ответил на приветствие сельчан, пожал руку Лизурчику. Вместе они подошли к сидящим на крыльце. Марченко и Леонович встали и, тоже, поздоровались.

– Ну, как, тут – у вас? – спросил Злыдник. – Наших, что – нет?

– Ваши, в кабинете. – Сказал Марченко. – Не хотят светиться.

– Правильно. У Заслонова?

– Как всегда. – Кивнул участковый. – Чего скажете, хорошего?

– Давайте – кто готов возложить груз ответственности, в кабинет. Там поговорим.

В кабинете председателя Молочаевского сельсовета, народу, готового активно участвовать, набралось предостаточно. Кроме Злыдника присутствовали: хозяин кабинета – Роман Георгиевич, председатель колхоза Бабий, начальник УВД подполковник Лизурчик, начальник Узденского управления КГБ майор Денисенко, участковый Марченко, местный предприниматель Матюхин и вездесущий Леонович. Несколько рядовых местных жителей, тоже, желающих сделать вклад в общее дело, заседать в столь высоком собрании постеснялись и шатались по коридору.

С портрета, висящего на стене кабинета, на совещательный орган, с ехидной улыбкой Джоконды, взирал Леонардо да Винчи.

– Что?! – иронично щурился, заросший, как хиппи, мистификатор, из-за засиженного мухами стекла. – Опять собрались?! Рассказывайте, чего – у вас, на этот раз.

– Сейчас, будет вступительное слово. – Сказал Злыдник, заняв председательское место. – По мнению высокого, руководства, все это – очень некстати. Причем, в мировом масштабе.

Майор безнадежно вздохнул и продолжил:

– На первом месте, по уровню опасности стоят религиозные воззрения пришельцев. Очень бы не хотелось, чтобы они, на этой почве, примкнули к экстремистам. Вообще, не хочется, чтобы примыкали. Ни к какой конфессии.

Он взглянул на присутствующих. Лица, у всех стали очень серьезными.

– На втором месте – технологии. Не будем разевать рот, на чужой каравай. Технологии у них – вземные, следовательно – нам не подходящие. Ты Денисенко, наверно хочешь спросить, почему?

Денисенко ничего спрашивать не хотел, но согласно кивнул.

– Поясняю. Как, только, из этой шайбы, что-нибудь этакое просочится, все «майкрософты», разом, обанкротятся. Мировой катаклизм случится. Долларами и евро будем стены обклеивать. В память о светлом прошлом.

Слушатели стали молча качать головами, демонстрируя, что до них дошло.

Только Леонович, поскольку Злыдник взял паузу, сказал:

– Если, какая наработка, в руки китайца попадет – беда. Они сразу, не разбираясь, что это такое, кустарным способом, в гаражах, это самое непонятное, клепать начнут. Тогда, не оставишь. Волной покатит, по развивающимся странам.

– Вот-вот. – Кивнул Злыдник. – И волна эта будет приливной. За короткий срок, вокруг шарика обернется. Хорошо если не шарахнет, гденибудь. А такая возможность существует. Это, ведь, будет наподобие испорченного телефона. Исходный образец, будут по мере перехода, из рук в руки, совершенствовать. Удешевлять. Или просто напортачат. И – все, амба! Массовое вымирание. Думаю, до всех дошло, поэтому напоминать о бдительности не буду. Кроме высоких технологий, серьезную опасность представляют топливные емкости, их корабля.

– Тоже, рвануть могут? – спросил Денисенко.

– Протечь могут. Тогда рванет, еще похлеще, чем с технологиями. Что если бензин, у них – синтетический? Долгоиграющий. На чем-то они по галактикам шныряют? Если хоть капля попадет, в чужие руки, страны ОПЕК, опять верблюдов разводить начнут. А некоторые – северных оленей. Я, как – ясно излагаю? В рамках союзного государства, на нас лежит огромная ответственность. За наших союзников. Если эти, не приведи господи – кто, какую плазму европейцам подкинут, они, там, на шестой части, задохнуться от газа. Нефть, некуда будет девать. А, там ядерное оружие. Усекли?

Все дружно кивнули, что, мол, усекли, хотя, до конца не поняли туманного намека. Было не ясно, куда это оружие будет направлено. То ли конкретно в кого-то, то ли на русский манер, с размахом – пропадай все, тут, пропадом, а мы – в рай!

– Вникли в суть происходящего? – Спросил Злыдник и тяжело вздохнул.

– Теперь переходим к делам конкретным. Виктор Анатольевич! – Майор повернул голову к участковому. – Хотелось бы, чтобы население, тоже прониклось.

– Не беспокойтесь, Иван Иванович – доведу, до сознания граждан.

– Павел Степанович. – Обратился Злыдник, в сторону Леоновича. – В более широком, республиканском, масштабе, тоже хотелось бы, осветить вопрос.

– Осветим. Не сомневайтесь.

Руководитель инициативной группы, повернулся к коллеге.

– Денисенко, что мы имеем, на этот час?

– На этот час, имеем восемь торговых представителей, которые сделали снимки объекта и умчались в Минск. Видимо, для передачи информации. Были, так, же два шпиона. Один венгерский, один – испанский. Испанец, в прошлом году, тут, голливудил не слабо. Немного притерся. Поэтому походил, посмотрел, укропчику, с обочины пожевал и уехал. Венгр, тот, метался, по полю, как заяц. Туда забежит, туда подлезет. И все щелкает на телефон, с разных ракурсов.

– Щупал, руками? – поинтересовался Злыдник.

– Нет, не прикасался. Тюлькин не дал. Лизурчик, там машину свою поставил, с нарядом. ППС. Я к ним, Тюлькина подсадил. Одел его в милицееское. Так, он этого мадьяра, у меня его данные записаны, приостановил. «Фотографировать – фотографируйте, но близко лезть не надо. Вещь секретная». Венгр, сразу полез выпрашивать, мол, что за вещь; откуда? Тюлькин ему сказал, что завтра начальство приедет, у него спрашивайте.

– Молодец! – Одобрительно сказал Злыдник. – Да! Лизурчик, ты машину, как поставил?

– Неподалеку. На дороге. Не заезжая в поле. Сказал стоять на месте и наблюдать. Реагировать, на происходящее, вяло.

– Вообще! – Восхитился майор. – Ты, знаешь, что сделай. Ты на разводе, к своим присмотришься. Кто – с похмелья, того – сюда, на пост номер один. Выглядеть будут настолько флегматично, что у каждого, даже самого настырного, червяк сомнения внутри закопошится. Рассуждать начнут, взаправду это или имитация.

– Подумаю. – Серьезно сказал Лизурчик.

– Какие – настроения в обществе? – обратился Злыдник к Заслонову.

– Настроение – не очень. – Ответил тот. – Народ пребывает в состоянии недоумения и легкого шока.

– Понимаю.

– Мы, уже, ко всему были готовы. Ждали, даже, что из этой тарелки червяки полезут. Но действительность превзошла! Прадед Миша предлагал, сразу, в поле столы накрывать. Но потом понял, что погорячился. Чуть в эту тарелку не плюнул.

Злыдник грустно вздохнул.

– Валька Комитетчица договорилась до того, что заявила, будто они прилетели сеять разврат и сексуальное насилие.

– Почему – «Комитетчица»?

Майор задал вопрос весело, но глаза у него были грустные.

– Возглавляет комитет брошенных жен.

– Ясно. А, что другие цели прилета не обсуждались?

– Обсуждались. Но все очень неопределенно. Общий вывод получился такой: «Хрен, его знает, чего им надо».

– Ладно. Теперь перейдем к делам насущным. – Сказал Злыдник. – Пока будем разбираться с приехавшими, вернее – с прилетевшими, надо готовить операцию прикрытия. Будем заретушевывать факты. Что мы можем предпринять? Сразу, в голову ничего не приходит.

– Может выездную сессию организовать? Как в прошлом году? – Спросил Денисенко.

– Это, ты – о чем?

– Академический отряд подтянуть. Пусть подискутируют. Может, кого нахлобучит, как того полковника, из «Роскосмоса», в прошлом году. У которого, от научных диспутов, крыша съехала. Говорят, он, только, недавно в себя пришел.

– Можно. – Согласился Злыдник. – Птичка, по зернышку клюет. Если они, нам парочку любопытствующих вырубят, все легче будет.

– Может спецназ подтянуть. Как в прошлом году? – Спросил Лизурчик. – Эти могут в нерабочее состояние, кого угодно привести. Потом, скажем, что им с пьяных глаз, все чудилось.

– Спецназ не подойдет. Спецназу, здесь делать нечего. Ничего, ведь, не происходит. А, вот «Сельхоздозор», подтянем. Им, тут самое место.

Все одобрительно зашевелились.

– Скажите, Роман Георгиевич, найдутся среди жителей добросовестные граждане, готовые пойти на контакт?

– Вот, так, с ходу, сказать трудно. Конечно, когда осознают, чем все это грозит, соберутся. Но, боюсь, без души это получится; с большой натяжкой. Ворчать будут. А, может, даже, выскажется кто-то. Как бы не обиделись и не улетели.

– Этот вариант, нам не подходит. Выпускать их нельзя. – Сказал майор. – Надо, что бы сидели, на месте. Думаю, ночью они не улетят, а к утру, надо, что-то придумать. Заинтересовать их, чем-то надо. Заинтриговать, Павел Степанович, не поможете?

– Поможем! – Весело сказал Леонович. – Не сомневайтесь.

– Только, ради бога – Злыдник приложил руку к сердцу.

– Все будет, как надо.

– Завтра приедет мой коллега. Майор Телегин. Он, же – Полковник Фирсов, начальник Управления Информации. Всякие технические приспособления – по его части. Поэтому, помните, кто этот майор – на самом деле. Тянуться, перед ним не надо. Просто не переходите грань, в общении. Не доводите дело, до панибратства. Он, у Галины Константиновны, по всей видимости, остановится.

– А, вы, товарищ майор? – поинтересовался Денисенко.

– Я, в пансионат, поеду. Два майора, в одном месте, будет чересчур. Ты Денисенко, тоже, тут не светись. Оставляй Тюлькина, на постоянной основе, а сам, или – со мной, или – в Узду.

– Я, лучше – к себе. Буду на связи. А, по надобности, к вам в пансионат буду приезжать.

– Отлично. Не просто – отлично, а, даже – очень хорошо. Ты, Матюхин, чего молчишь? Вижу сказать, что-то хочешь, но молчишь. Говори, уже.

– Спецназ, при этих обстоятельствах, конечно, ни к чему, но турслет организовать можно. Создать резерв живой силы, так сказать.

– Ты, это, по какому поводу придумал? На воле, погулять хочется?

– Хочется, но не очень. У меня – семейная гармония. Я – с гражданской позиции. Уборочная – на носу. Катастрофа, если случится, запасы продовольствия не помешают. Значит, нельзя трудовой народ надолго отвлекать. Надо создать резервный фронт.

Злыдник понимающе кивнул, Матюхину и, обращаясь ко всем, сказал:

– Теперь, в напутствие, подитожу. Тактически будем придерживаться режима тишины. Стратегия сама образуется, по ходу дела. И, самое главное. Обстановка военного времени, поэтому – никаких предупредительных выстрелов. Если, что – сразу переходите на поражение. Ошибиться мы не можем. На нас весь мир смотрит. Смотреть, конечно, не смотрит, но мы за него, теперь в ответе. Так, что – расходимся по боевым постам и бдительно ждем дальнейшего развития событий.

Глава вторая

Одновременно, с совещанием землян, самой середине «летающей тарелки», в центральном помещении, предназначенном для официальных мероприятий, на торжественное заседание, собрались все члены экипажа космолета. В нем принимали участие, ровно тридцать три представителя разумной расы, с планеты Нанайя. Экипаж расположился в креслах, стоящих вокруг фонтана, нежно журчащего в центре композиции. Интерьер кают-компания, произвольно обновлялся, по системе случайного выбора, от планеты, к планете. На Земле, нанайскому компьютеру почему-то приглянулись фонтан и мебель в стиле модернизма. Члены экипажа нашли этот выбор очень символичным. Планета, из космоса, просматривалась в голубых тонах, и это очень сочеталось с водными источниками. Все сидели, в креслах с хромированными ручками, счастливые и зеленые.

Еще ночью, когда выяснилось, что по зеленым технологиям, то место где они садятся – впереди планеты всей, по предложению Астронавигатора, было принято единогласное решение, окрасить кожу в соответствующий ситуации оттенок. Астронавигатор сказал, что этим они подчеркнут свою солидарность с продвинутыми, в зеленых технологиях, белорусами. Правда подавляющее число членов экипажа, в момент голосования, еще не отошли, от анестезии, и голосовали неосознанно, но сегодня поворачивать назад было поздно. Сообщение об инициативе экипажа, уже отправили на Нанайю. В Центре Управления идею одобрили, зарегистрировали и начислили экипажу поощрительные баллы. Больше всего, конечно – Астронавигатору. Но и остальным досталось по парочке зачетных очков. Сама, идея о перекрашивании была воспринята, на Родине, весьма положительно. Инициатива была очень толерантной, в стиле нанайских традиций.

– И, так, коллеги! Уважаемые товарищи астронавты. Докладываю! Посадка произведена. Послепосадочные процедуры завершены. Восстановительные процессы протекают в обычном порядке. В связи с этим, навигационная группа слагает с себя почетные обязанности лидерства и передает их в руки Общего Собрания. – Сказал член экипажа проходящий, по списку, под номером тридцать два; по судовой ведомости – Астронавигатор.

Все посмотрели на номера первого, почетной обязанностью которого было ведение Общего Собрания. Номер первый, Гидропоник, встал, поклонился и, без лишних слов, представил слово, номеру Тридцать Третьему. Номер Тридцать Третий, тоже встал, тоже поклонился, во все стороны, и сказал:

– Все, конечно идет, не так, как мы привыкли, но математически возможно, произошло счастливое стечение обстоятельств. Положительные факторы сошлись в одной точке, наложившись друг на друга и мы попали в бесконфликтную ситуацию. Первый показательный выход совершен. Земляне убедились, что мы не автоматическая станция, а управляемый аппарат. Все вернулись обратно живые. Значит – все хорошо!

Закончив речь Тридцать Третий – по списку, по судовому расписанию – Галактик, сел на свое место.

Слова попросил номер девятый, Транспортировщик – по ведомости. Получив слово, он ударил челом, и сказал:

– Непонятно, чего нам следует ждать. Чувствуется какая-то непредсказуемость в поведении, местных жителей. Ситуация – бесконфликтная, соглашусь. Но, судя по описаниям, в этом случае, все должно идти по другому. Смотрите – нет привычного массового присутствия собратьев по разуму. Отсутствуют плакаты с приветственными лозунгами. Или – наоборот, со словами осуждения. Выражу личное мнение – не туда мы сели! Возможно, произошла ошибка с выбором точки контакта.

– А, чего?! Как, тут, говорят – прикольно. – Не вставая и не кланяясь, сказал Номер Двадцать Восьмой, Электроник.

Он был бородатый, волосатый и не носил лифчика. Грудь, под комбинезоном, у него торчали в разные стороны. Почесав бороду, Электроник продолжил:

– Конечно, обстановка неестественно спокойная, но главное войска не стягивают. До, этого, у нас, контакты проходили, по двум вариантам. Нас или торжественно встречали, окружив вооружениями, или расстреливали из разных видов оружия, без торжественных мероприятий.

Оторвав зад от кресла, ему возразил Транспортировщик:

– Обстановка очень непредсказуемая. Я это чувствую. Отсутствие политической активности настораживает. Неизвестно, к чему надо готовиться!

– Почему, мы, здесь, вообще оказались? – Встав и откланявшись, спросил номер двадцать пятый, Экстремал. – Нам, по инструкции, нужно было сесть возле большого города, чтобы наше прибытие было зафиксировано многочисленными представителями земной расы и было зафиксировано множеством индивидуумов. А, тут, похоже – сплошная сельская местность. Почти безжизненная. Приборы мегаполисов вообще не фиксируют. Они вообще, словно ослепли. Картинки непонятные мелькают и все.

Вопрос был задан в окружающее пространство, но явно адресовался Астронавигатору, который формально отвечал за посадку. Всем было ясно, что Экстремал остался, не очень доволен, своим зеленым окрасом, ведь идею о перекрашивании, подал вчера, именно, Астронавигатор. Этот последние лет пятьдесят полета, желая заработать дополнительные баллы, без конца, генерировал всевозможные идеи, по повышению морального облика экипажа. При этом баллы зарабатывал он один, а расплачивались все.

Астронавигатор, намек понял и поднял руку. Когда Гидропоник дал ему слово, он сказал:

– В мою компетенцию, входит дополнительный анализ и одобрение места посадки, сделанного бортовым компьютером. Конкретную точку на поверхности, выбирает Наводчик. Мегаполисов вокруг хватает. Здесь не джунгли, а освоенная местность с многочисленным населением и производственными мощностями. Можно посмотреть в Системе, она ошибаться не может.

– Мы и садились возле большого города. – Стал каяться Наводчик. – До последнего момента, все, под нами, огнями сияло. Программа работала безупречно. Перед тем, как поверхности коснулись, все уплыло. Сели, видим – в поле стоим и тишина вокруг.

– Нужно было сразу переместиться. – Резко сказал Эксперт.

– Сразу не могли. – Взял слово Ведущий. – Ощутили дополнительное электронное противодействие. Предполагалось, что при взлете, начнется применение средств ПВО, которое, на первом этапе запоздало. Поэтому было принято решение оставаться, пока, на месте.

– Кем принято? Как, без совещательного органа? – Недоуменно спросил Психолог.

– Принято мной, Экстремалом, Наводчиком и Астронавигатором. По рекомендации бортового компьютера. – Со скрываемым сожалением, глядя на спросившего, ответил Ведущий. – Подумайте сами! У нас, ведь, такого раньше не было, что бы на такой насыщенной вооружениями планете, мы садились, без единого выстрела. Это первый прецедент, у нашего экипажа! Было решено сохранить состояние мирного равновесия. Возможно, это – новый шаг в сфере контактов с разумными существами, на отсталых, но технологичных планетах. Разумеется, это решение – промежуточное. Общее Собрание может принять другое. Кстати место очень интересное. Мы, недавно, разобрались, что это не намеренное электронное противодействие, а какой-то фон. Причем не от промышленных установок.

Здесь возразить было нечего. Во-первых – подобное миролюбие, в самом деле, редко встречалось в истории нанайских космических исследований. Такие случаи, можно было пересчитать по пальцам. Во-вторых – во время полета, между системами, члены экипажа при-

нимали препараты, затормаживающие физиологические процессы и, в момент посадки, все члены экипажа, за исключением группы навигаторов, еще находились в заторможенном состоянии. Только навигационная группа была в здравом уме и могла принимать адекватные решения. В-третьих – каждый подумал о поощрительных баллах, которые можно заработать, приняв личное участие во всевозможных мероприятиях, проводимых с целью окультуривания земель.

Неуместный вопрос, заданный Психологом, свидетельствовал о том, что в голове, у него, еще не до конца прояснилось.

– Что, здесь – залежи? Полезные ископаемые? – После паузы, поинтересовался номер девятый, Транспортировщик.

– Похоже, по геологическому строению – нет. – Подал голос номер двадцать пятый, Архивариус. – Разработки, по всем данным, тоже не ведутся.

– Мы, где только не садились, какие, только помехи нам не ставили – подобного нигде не было. – Не сходил с критической позиции Транспортировщик. – Надо экстренно, с этим, разбираться. Вдруг, при перемещении грузов эти помехи как-то повлияют. Еще – хотелось бы, более подробно, обсудить реакцию земель, на наше присутствие.

– Не надо, только суетиться. Я, же сказал – работаем. – Скрывая раздражение, сказал Экстремал. – Исследуем, анализируем, собираем информацию. По поводу реакции, вообще волноваться не стоит. Всемирная паутина, у них, есть. «Интернет», называется. Долго это не продлится. Вот увидите, что здесь вскоре будет твориться!

– А, вы, что скажите? – спросил Гидропоник, у номера Шестнадцатого.

Номер шестнадцатый, Корректор, встал со своего места, поклонился собравшимся и сказал:

– Уважаемые коллеги, товарищи, собраты, по гендерному равновесию! В первую очередь хочу, всех, без исключения поздравить с прибытием, на эту планету. По поводу происходящего хочу сказать, что, ознакомившись с доводами навигационной группы, я полностью одобряю их решение, приземлиться в Белоруссии. Для подтверждения этого, сделаю короткий обзор системного анализа. В целом, место посадки, по всем параметрам толерантности и политкорректности, больше всего подходило, для установления контакта, с жителями этого мира. Политико-общественные образования, с ядерным потенциалом и мощными средствами ПВО, как места посадки, отпали на первом этапе обсуждения. На континент Африка садиться было не очень удобно. Там государственных образований огромное количество. А в каждом образовании, еще – различные общественно-политические движения, расовые сообщества и религиозные группировки, которым нет числа. В Азии сесть некуда. Там свободного пространства, практически не осталось. С вероятностью девяносто девять процентов, мы, там, при посадке раздавили бы какую-нибудь швейную фабрику.

– Почему – фабрику, и почему – швейную? – спросил Климатолог.

– По данным компьютера, там все пространство занято швейными фабриками. Только на них, не только шьют, но и компьютеры делают. Почему – так, будем разбираться, если время позволит. Так, дальше! Обстановка на планете, в целом, находится в стадии начального технологического периода. Детальное исследование информационного пространства, показало, что мясо животных, едят повсеместно. В одной стране, не едят мясо коров, но там, вообще – кастовая система. Политкорректность, у земель, на слуху, но везде однобокая, с перекосами. Кое-где, даже с тупиковыми ветвями развития. В Северной Америке, так ускоренно строили политкорректное общество, что пришли к матриархату. По их пути направились и южная Америка, но там мирным путем живородящим индивидуумам, добиться превосходства не получилось, поэтому началась война полов. Живородящие создали Южноамериканскую Фракцию Революционных Амазонок, ушли в джунгли и ведут вооруженную борьбу. Там, вообще, весь континент полыхает. Партизанская война, идет не только в лесах. Урбанистическая группировка «Девственницы Рио-де-Жанейро», организовало городскую герилью в городах. Это все

очень поверхностно, но понятно, к чему я веду. Все население Земли, с малыми исключениями, до сих пор, разделено по половому признаку. По этому фактору, нам, ориентироваться нет возможности. Так, что пришлось брать в расчет толерантность и зеленые технологии. Здесь, в политико-общественном образовании, под названием Беларусь, как выяснилось, такие технологии, успешно внедряются. Здесь отказались от углеводородов, и перешли на возобновляемые источники энергии. Это образование, по крайней мере, в этой области, идет по правильному пути развития. Конечно, как и все земляне, жители этого участка суши, белорусы, еще разделены по гендерным, религиозным и прочим особенностям, но с толерантностью, у них, не хуже, чем у остальных. А когда мы внедрим сюда наши технологии и ознакомим с принципами гармоничного развития, Беларусь превратится в эпицентр нового мира. Отсюда пойдут волны, которые разнесут нанайские высокоморальные принципы, по всей планете.

Корректор отвесил слушателям поклон. Все встали, даже Электроник, и зааплодировали. Когда овация стихла, слово, с разрешения Гидропоника, взял Экстремал, К нему, по уставу, после посадки, перешло почетное право направлять деятельность экипажа. Нервно поглядывая, на Транспортировщика, он заговорил:

– Надо сказать, что обстановка в точке приземления – странная. Даже по земным меркам. Первые признаки этого выявились сразу, после приземления. Один из землян, в фазе завершения рабочего цикла, обошел вокруг корабля, помечая место посадки. Как потом выяснилось из разговоров собравшихся, он опасался, что мы можем исчезнуть.

– Интересно, куда? – спросил Психолог.

– Выяснить не удалось. Удалось, только узнать, что этот представитель – специалист, по контактам, с внеземными цивилизациями. Астральный синоптик.

– Выходит мы не первые! – Облегченно сказал номер семнадцатый, Диетолог. – Теперь понятно! Вот почему они, так, к нам относятся. Привыкли, что к ним прилетают.

– Возможно. – Сказал, с места, Корректор. – Только – кто? В этой галактике, никто, кроме нас, не летает.

– Раньше не летали, теперь начали. – Уверенно сказал Диетолог.

– Возможно. – Согласился Экстремал. – Второй, пока неразрешенный вопрос, который стоит, перед экспедицией – фоновые помехи. Минизонды, которые земные средства слежения не могут засечь, будут отправлены собирать информацию. С этим мы разберемся. Это не важно. Важно другое. Судя по реакции окружающих, они отнеслись, к нашему внешнему виду, отрицательно.

– Может, стоит сменить окраску? Принять естественный цвет кожи. – Спросил номер первый, Гидропоник.

Экстремал, чуть заметно, вздохнул.

– Цвет лица, здесь не причем. – Сказал он. – Скорее всего, здесь не привыкли к полнокорректности внешнего облика, достигших совершенства, разумных форм жизни. Наш вид не был, для них, шокирующим, но вызвал отрицательные эмоции.

– Судя по «Интернету», наш внешний вид не является чем-то необычным. Опыты по созданию многогранного облика, здесь уже проводятся. – Заметил со своего места номер тринадцатый, Хронометрист.

– Вы, что наблюдали сцены спаривания? – Выкрикнул со своего места, номер четырнадцатый, Биолог.

– Случайно. В рамках общего образовательного процесса и разрешенного доступа. Тем более Система, это пропустила. Там было обозначено: «Мамочки» Я думал это о защите прав материнства и детства. Оказалось, что не так. Там были и мамочки, и папочки, и особи в состоянии гендерного равновесия. Я, так, полагаю, наш уважаемый Биолог, тоже наблюдал подобное, раз в курсе?

– Я, тоже, случайно. Там было написано: «Овощи». Это в рамках моей компетенции. Система, тоже, это пропустила. Оказалось, да – овощи. Но несколько странные. Я сразу отключился.

– Я, тоже. – Хмыкнул Хронометрист.

– Оставим эти препирательства. – Сказал Экстремал. – Но хочу напомнить, что каждый из нас, как гражданин Нанайи, принял присягу на Декларации Гармонии, и должен вести себя соответственно. С вашего позволения, я продолжу? Так – вот. Как я, уже заметил, кроме небольших экспериментов, население земли, еще не достигло, не только гендерного равновесия, но и обычного равенства. Ни во внешнем облике, ни в общественных отношениях. Поиски в этом направлении, как я сказал, активно ведутся, но, очень неумело, с патологическими отклонениями. Здесь в Белоруссии, о равенстве не говорят, но и явных проблем не наблюдается. Это явилось добавочным стимулом к тому, что она была выбрана в качестве места посадки. С конкретной точкой приземления, вышло не очень последовательно, но эта ситуация разрешится сама собой. Насчет, передислокации в другое место, скажу, так. На начальном этапе, это будет выглядеть с нашей стороны, некорректно. Получается, нас не устроил прием, и мы улетели. Сразу будет отмечена наша заносчивость, нетолерантность к малым народам и прочее. Что о нас подумают жители этой планеты? Как это будет воспринято в Центре Полетов? Это может стать поводом для разбирательств.

Тут Экстремал сделал паузу, чтобы сказанное дошло, до сознания каждого. Сказанное видимо дошло, потому, что все сосредоточено молчали.

– Нужно показать, что нам важен, каждый член земного сообщества, где бы он не находился. Как они воспримут положения Декларации, если мы, в самом начале начнем перемещаться с места на место, в поисках более теплого приема. К тому, же, неизвестно, как нас воспримут, на новом месте.

Тут, Экстремал, снова, сделал паузу. Все тридцать три члена экипажа согласно закивали головами. Тем более что в словах Экстремала был смысл.

– Поэтому, предлагаю, как, только представится подходящий случай, активнее идти на контакт с местными жителями. Чтобы они постепенно привыкли к нашему внешнему облику. Как, только они начнут воспринимать нас более терпимо, установятся отношения взаимопонимания. От взаимопонимания мы перейдем к более тесным отношениям. Разъясним землянам преимущества, присущего нам, облика равновесия. Потом, поделимся, друг с другом, своими культурными достижениями, начнем толерантно дискутировать. В спорах рождается нанайская истина и, так далее. Разумеется, сразу убедить их, в преимуществах нашей культуры, не удастся, но со временем они придут, к этому.

После этих слов, все закивали головами, еще энергичнее. Всем было понятно, что не мытьем, так катаньем они своего, на этой планете, добьются. Землянам придется, так или иначе, принять нормы нанайской морали и совершенный нанайский облик. Но выглядеть со стороны, все должно было прилично.

– Все ясно. – Сказал Диетолог. – Давайте, восстановим физическую форму, а завтра, с новыми силами, энергично представим местным жителям, все положительные стороны и преимущества, нашей цивилизации.

Всем стало понятно, что Диетологу не терпится отправиться в тренажерный зал.

– Да пора расходиться. – Согласился Гидропоник. – Надо проверить, в каком состоянии системы жизнеобеспечения.

– Минуточку! Куда расходиться? – Взвился, на своем кресле, Биолог. – Передовой контактной группе, завтра, снова – выходить наружу. Надо, что-то решать с местными особенностями. Это, я – по поводу невидимок.

– Да. Простите, коллега. Волнуюсь. – Спихватился Экстремал и, виновато поклонившись Биологу, обратился ко всем:

– Действительно. Сегодня, мы наблюдали присутствие, возле корабля, невидимок. Вернее мы не наблюдали, а приборы зафиксировали. Они зафиксировали пребывание, рядом с кораблем, пятерых невидимых объектов биологических форм жизни. Мы их просканировали, перевели в цифровой формат и выяснили, что это представители местной разумной расы. Как, только это выяснилось, сканирование было отключено.

– Посему, отключили?! – поинтересовался номер двенадцатый, Главный Энергетик.

– Возможно, они имеют основания оставаться невидимыми, по причинам личного или религиозного порядка. Вторгаться в эти сферы жизни, мы не в праве. Пока не выясним все досконально. Опасности они не представляют. Выяснилось, что это разумные формы жизни в разных стадиях трудовой активности. Поведение их было стандартно-предсказуемое. Они потрогали опору корабля и ушли. Как все остальные.

– Как вы думаете, почему они все именно эту опору трогают. Все время одну и ту, же? – Поинтересовался Психолог, видимо обращаясь ко всем.

– Чего, тут, думать! – Усмехнулся номер шестой, Инноватор. – Эта опора, к местной транспортной артерии – самая ближняя. Под днище, они не лезут. Не дураки. Соблюдают технику безопасности.

– И, что теперь?! – Волновался Биолог. – Получается, если я выйду, вокруг меня невидимки будут. Вдруг, кто-нибудь, невидимо подкрадется и захочет посмотреть, что у меня внутри. Было, уже такое. И не раз. Потом местные оправдываются, мол, мы думали, что это не люди, а роботы. Так, то – они видимые были. Меня, каждый раз, вовремя эвакуировали. Все обошлось. А, с невидимками, могу без головы остаться. Унесут мою голову. Придется меня, после клонирования, с чистого листа переписывать.

Все осознали серьезность сказанного. Поэтому в кают-компании установилась тишина.

– За головами членов контактной группы, будем следить особенно тщательно. – Заверил Биолога, Экстремал. – Мы к головам членов контактной группы прикрепим дополнительные датчики. Обращаю внимание спасательной команды! Голову, у пострадавших, спасти в первую очередь.

– Очень хорошо. – Сказал Корректор. – Теперь, какие будут предложения, по выработке плана наших действий, на завтрашний день?

Гидропоник поднял руку.

– Прошу, вас, Номер Первый. – Вежливо сказал Корректор и сел на свое место.

Гидропоник, как положено, поклонился во все стороны и начал:

– Предлагаю, если позволит окружающая обстановка, совершить второй выход, контактной группой, завтра, в первой половине дня, и попытаться наладить более тесное общение...

С этого момента, все интересное, для собравшихся закончилось. Для утверждения плана подобных мероприятий, существовала давно устоявшаяся процедура. Регламент выступления первого номера был знаком каждому до мелочей и все прекрасно знали, кто отправится устанавливать контакт и, как будут распределены обязанности между членами передового отряда.

В ночь после совещания с местным руководством и активом Молочаевки, майор Злыдник почти не спал. Сразу, после совещания, он поехал в усадьбу, к Матюхину, где имел содержательный разговор с ним и его женой, Ириной Витольдовной, главным бухгалтером местного колхоза.

Покинув гармоничную супружескую пару, он вернулся в сельсовет и, отправив исполненного служебного рвения подполковника Лизурчика домой, поспать, засел за телефон.

Первый звонок он сделал в Слободку, председателю местного кооператива. Трубку сняла, сама Екатерина Федоровна. Когда майор назвал свою фамилию, она звонко рассмеялась в трубку:

– Я, так и знала, что вы позвоните.

– Может, знаете – зачем?

– Я, думаю, по поводу, этого самого. До нас, уже докатилось. Я правильно говорю? Секретно?

– Да, все правильно. Как поживает ваш супруг. Простите, забыл поинтересоваться. Он еще на месте?

– Куда он, от меня, денется?! Он, без меня, пропадет, как рудая мышь! – Весело сказала Екатерина Федоровна и добавила серьезным тоном:

– Объект, образно говоря, сидит, на чемоданах. Носится взад-вперед в полной боевой готовности. Какие с нашей стороны, потребуются действия?

– Пусть выдвигается по известному, ему адресу. Прямо в населенный пункт. К зданию администрации. Только, хотелось бы, что бы он появился к утру.

– Я сама его доставлю. Чего, тут ехать!

– Большое спасибо.

– Все! Конец связи. – Сказала Екатерина Федоровна, таинственным голосом, и повесила трубку.

Следующий звонок, Злыдник сделал в Минск. Здесь трубку, долго не брали. Он, уже начал подумывать, не послать ли, по адресу, оперативную группу, чтобы поднять адресата с постели, но трубку, в конце концов, сняли.

– Алло Что, за чертовщина? Кто это? – Сонно спросили, на другом конце провода.

– Это – майор Злыдник.

Абонент в Минске моментально начал соображать.

– Калюнов слушает! – Хрипло сказал в трубку директор новостных программ, одного из белорусских телеканалов.

– Проснулся? Хорошо! Значит – так! Вылезай из постели и организовывай выездную бригаду.

– В, каком смысле? Куда ехать? Почему, сейчас? Или, где-то пожар?!

– Почти. Насчет пункта направления, может, сам догадаешься? Я тебе по межгороду звоню.

– Мне кофе надо выпить. Я, так, не могу

– Думайте Александр. Думайте!

– Не дай бог, опять – в Молочаевку!

– Вот видите, и без кофе, у вас голова варит!

– Не может быть! – Ахнул, на другом конце провода Калюнов. – Чего – опять? Ладно, не проснулся, до конца. Что брать?

– Проверенных людей. Остались еще такие?

– Все в строю!

– И, наших девушек захвати.

– Обескровим канал. – Заныл Калюнов. Они, у меня – при деле.

– Они ненадолго понадобятся. Через денек, будут в городе.

– Группе, когда выезжать?

– До рассвета.

– Понял. Сделаю, что смогу. Ехать, куда?

– Сразу, в пансионат. Потом посмотрим.

После первого звонка Калюнову, он, он побеседовал с Леоновичем, который курил на крыльце. Тот заверил, его, что, с его стороны, все необходимые меры предприняты и необходимая информация дойдет, до кого надо.

Потом, разглядев в ночном сумраке, колеблющуюся тень, он узнал в сумеречном облике Ломако и проинструктировал руководителя лаборатории, относительно доклада в Москву.

– Четко ничего не формулируй. Отделявайся предположениями. Пиши, что в поле появилось, что-то непонятное. Именно появилось. Не прилетело, не село. Ты сам видел, как оно, там сфокусировалось? Нет? Вот видишь! Четко можешь сказать, что – это? Можешь?! Тарелка?! Что – за тарелка, откуда? С чего, ты взял, что она летающая? Ты, как она летала, видел? Не видел! Может, ее туда прикатили. Вот – то-то! Соображать надо. Поймет, твой Калабалин. Не маленький. В аномалии притерся. Главное, что бы остальные ничего не поняли.

Проинструктировав Ломако, Злыдник, еще раз вышел на связь с Калюновым, что бы узнать, как, там, у него, продвигаются дела. Наконец он решил немного поспать. Еще вечером, заприметив, где Заслонов прячет ключ от мастерской, он проник туда и улегся на диване. В кабинете председателя сельсовета, диван тоже был, но, только по названию. Не диван, а – канapé, в стиле французской монархии, на половину человеческого роста. В мастерской он вытянулся во всю длину, но сон все равно не шел. Усталость давила на веки, но полного забвения не было. В голову лезла всякая чертовщина, но иногда, цветными картинками, мелькали светлые мысли. Зная свою забывчивость, Злыдник, поднимался и, в зомбическом состоянии, записывал свои сны на большом листе бумаги. Бумага была акварельная, писалось на ней плохо, но он старался, зная, что утром ничего не вспомнит. Потом, он на короткое время провалился в абсолютное никуда, где пребывал в полной темноте, около часа.

Проснулся майор, не выспавшийся, но отдохнувший. Прочитав написанное, за ночь, он покрутил головой и понес записки на улицу, чтобы предать огню.

Снаружи занимался рассвет. Когда бумага с описаниями ночных кошмаров догорела, к сельсовету подкатил серебристый «BMW» и из него вылетел Валера Пилигримов, более известный, местному населению, под кодовым обозначением «Румын». К Злыднику, он впрочем, не побежал, хотя ноги не хотели стоять на месте, а дождался, пока выйдет водитель. Невысокая хрупкая женщина, немолодая, но с приятным цветом лица, вышла из машины, и Румын важно взял ее под руку. Вдвоем они подошли к Злыднику. Тот слегка поклонился женщине и пожал Румыну руку.

– А, где тарелка? – спросила женщина.

– В поле. Там! – Майор махнул в нужную сторону рукой и спросил:

– Как поживаете? Как идут дела?

– Поживаем хорошо. Дела идут неплохо. Валера исправляться решил. Бросает пить.

– Да, что вы говорите?!

– Ага! Каждый месяц бросает. Потом в его организме каких-то химических реакций начинает не хватать. Приходится их восстанавливать. Но с каждым месяцем, потребность в оздоровлении организма возникает все реже и реже.

– Это, как – хорошо? – поинтересовался Злыдник.

– Это радует. – Серьезно сказала Екатерина Федоровна. – Ну, так – что? Куда мне его? Отвезти, куда или здесь бросить?

– Везти никуда не надо. Пускай здесь остается.

– К тарелке пускают? Или нельзя? – Спросила женщина.

– Да ради бога! Валера мне пока не нужен. Осмотрите достопримечательность. – Воскликнул майор. – Только на машине не ездите. Пройдитесь, если не трудно. Мы, тут, создаем видимость, что приезжих здесь нет, только местные.

В деловом центре, расположенном в центре деревни Молочаевка, неподалеку от картинной галереи, этот рабочий день начался, нетипично, по деревенскому распорядку. То есть, с восхода солнца.

Бывший Дом быта, выкупленный, прошлым летом, у сельской администрации и переоборудованный под офисные помещения, радуя глаз сельчан, матово отсвечивал, снаружи, каркасом из нержавеющей стали и темного стекла. Внутри, тоже все соответствовало мировым тенденциям. Было не очень уютно но, зато, красиво.

Столь раннее начало рабочего дня было, в деловом центре Молочаевки, было зафиксировано впервые, со дня его основания. Собственно говоря, торговые представители зарубежных деловых кругов, примчались в деревню еще до рассвета, но постеснялись зажигать свет в своих кабинетах, чтобы не привлекать к себе внимания. Оставив машины на стоянке, внутри ограды, опоясывающей международный анклав, они окольными путями, тщательно избегая друг друга, пробрались за околицу, чтобы, еще раз убедиться, что загадочная штукавина, все, еще торчит в поле. Пока не рассвело, бизнесмены шныряли вокруг «паука». Натываясь в сумерках, на собратьев по бизнесу, все старательно делали вид, что совершают утреннюю, предрассветную прогулку. Когда на землю пролился свет, восемь воротил бизнеса засели в своих кабинетах, старательно имитируя трудовую деятельность.

Прошлым летом, на волне туманных намеков, Российского центрального телевидения, в деревню заявили человек сорок инвесторов. К этому времени Дом Быта был, уже продан; в нем, всюду шли работы по реконструкции. Офисные помещения были взяты в аренду, еще на заре реконструкции. Авансом. И, это несмотря на то, что цена аренды была сопоставима с нью-йоркской. Те, кому не хватило площадей или денег, обосновались в Минске и наезжали в Молочаевку, оттуда. Именно, тогда по меткому определению одного из сельчан, произошло разделение предпринимателей на «челноков» и «центровых». «Челноками» именовали не имеющих постоянного пристанища в деревне бизнесменов, а «центровыми», соответственно, имеющих здесь юридический адрес.

Постепенно, в ходе естественного отбора, ряды предпринимателей поредели, и, к этому времени, в строю оставались лишь восемь самых стойких и самоотверженно отданных делу построения капитализма бизнесменов. «Центровых». Все они имели в доме быта офисы и были у деревенских на неплохом счету.

Все восемь, представляли компании зарегистрированные, кто в каком-нибудь Люксембурге, кто вообще, на Кайманах. Впрочем, по данным Аналитического Управления, эти компании служили прикрытием, для очень крупных игроков, из Европы, Азии и Америки, которые не хотели, чтобы их названия упоминались в связи с Молочаевской аномалией. Кроме того, представители подставных компаний, помимо легального инвестирования, могли позволить себе вещи более прозаические, наподобие промышленного шпионажа.

Восьмерка отважных, была солидного, предпенсионного возраста. В свое время, будучи молодыми и красивыми, все, они, замечательно поработали, на поприще, выживания секретных технологий у конкурентов и были людьми заслуженными. Однако, старинные методы работы, к которым они привыкли и придерживались, по привычке, были сейчас не в ходу. Сейчас, в организациях, подобного рода, в ходу были новомодные тенденции, основанные, на цифровых технологиях. Сейчас, один компьютерный гений, мог, щелкая по клавишам, извлечь наружу, все секреты и финансовую отчетность, любого объекта хозяйствования, в любой точке земного шара.

Однако, в случае с Белоруссией, отгородившейся от мира собственной «Сетью», такой номер, не прошел. Войти в их сеть, труда не составило. Только там не было ничего интересного, только порнуха и пустопорожние разговоры. Удалось, правда, ознакомиться с финансовыми документами, ряда организаций, но ответов в этой отчетности не было, только вопросы.

Было непонятно, как при такой убыточной экономике, это государство, вообще, существует. И, не просто существует, а прямо-таки процветает. Поэтому руководители законспирированных организаций, извлекли из небытия, своих заслуженных сотрудников, которые дожидались пенсий, в покойных и хорошо оплачиваемых должностях. Молодежь, в этих ведомствах, вообще не понимала, чем они занимаются и за что им такие деньжищи платят. Но руководству уволить этих сотрудников, было себе дороже, потому, что в их головах, хранилось, столько секретов и компромата, на представителей бизнеса и мировых политиков, что выход этой информации, на свет, мог привести к очередному финансовому кризису. У руководства, даже существовало мнение, что такой ветеран мог, в одиночку, свергнуть несколько десятков правительств, в различных регионах земного шара. Когда к этим людям обратились с просьбой съездить посмотреть, что, там, творится в этой Молочаевке, они охотно согласились. Даже рады были поехать проветриться, за казенный счет.

Общий посыл, для отъезжающих, был такой:

– Белоруссия, у нас, как-то, непонятно выпадала, из поля зрения. Когда-то прошла информация, что у них, там, с каким-то доморощенным ускорителем, беда случилась, и началось вымирание. Поэтому никто раньше ею плотно не занимался. Теперь, оказывается, что они вымирали, вымирали и не вымерли. Даже, говорят, размножились, невероятно. Причем, не за счет Африки и арабов, а естественным путем. Ко всему прочему, прошла информация, что у них с инопланетянами контакты налажены. Цифровые технологии, ответов, на этот сложный вопрос не дали, поэтому надо ехать сотрудникам, умеющим работать без цифровой поддержки. Справитесь?

– Справимся! Тряхнем стариной! – Заверили руководство старики и отправились в Белоруссию.

Во время прошлогоднего ажиотажа, они не лезли на передовую, сидели тихо и наблюдали. Люди это были опытные и подмечали многое, недоступное молодым. Все восемь, вышеперечисленных, инвесторов пришли к схожим выводам: «Все, что творится в этой аномалии, вызывает подозрения и за этим надо понаблюдать». Руководителям, такая точка зрения пришлась по душе, и ветеранам было предложено поработать на месте. Почти каждый выбил себе дополнительное финансирование и спокойно проводил время в казино Минска. К тому же, чтобы разнообразить свое существование, они, время от времени, совершали оздоровительные путешествия на экзотические курорты. Начальство было довольное, что старики не мозолят глаза молодежи. Ветераны были довольны настолько, что временами, даже имитировали трудовую деятельность, посещая Молочаевку. С наступлением лета, им стали задавать осторожные вопросы, на тему, каковы, их, успехи в деле освоения галактических технологий и восемь остающихся в строю «Центровых», стали посещать аномалию чаще. На зарубежные курорты, они ездить перестали, и отдыхали, теперь, исключительно в оздоровительных заведениях Беларуси. В Молочаевку, ветераны приезжали, по понедельникам и пятницам. В кафетерии бизнес-центра, у них образовалось нечто вроде клуба, по интересам. Здесь, они два дня в неделю, выпивали, общались и вспоминали старые времена.

Вчерашнее происшествие всколыхнуло ветеранов. Они поняли, что их час настал и пора тряхнуть стариной, по настоящему. Этим утром, асы шпионажа, трянули всем, что осталось, но не очень удачно.

Лазая, по росной ямсовой ботве, бродя по пыльным молочаевским проселкам, липовые бизнесмены ничего не выяснили, только привели в полную негодность, нижнюю часть своей форменной одежды. Темно-синие брюки, из английского сукна, у всех мало того, что промокли и покрылись почвенными наслоениями, они, еще и воняли. Не у всех, но у многих. Ямсовое поле, трехлетнего, завершающего цикла, представляло собой заповедную территорию, для всякой живности. А именно: хомяков, морских свинок и голубей, которые в белорусских условиях уже не летали, а, растолстев, вели наземный образ жизни. Отходы жизнедеятельности

этой биомассы, встречались повсеместно. А, особую опасность представляли катышки морских свинок. Крупные, величиной с орех фундук, они воняли, так здорово, что белорусские кабинетные зоологи, начинали осторожно высказываться, что свинки, постепенно эволюционируют, и возможно, вскоре превратятся в скунсов.

Сегодня, несмотря на явные неудобства, бизнесмены, деловито развесив пиджаки на спинках стульев, пялились в мониторы и щелкали мышками. Идти переодеваться, означало – потерять из виду остальных, а этого не хотелось никому. На всех после ночной разобщенности, внезапно, накатила приступ коллективизма. Каждый подозревал, что кому-то другому удалось узнать больше, чем ему, и боялся упустить момент, когда проявятся признаки этого. Все ждали, что кто-то, из них, начнет предпринимать, какие либо действия, и были на чеку.

Время, однако, шло, никто никаких действий не предпринимал, а в кабинетах воняло все сильнее. Ощущение дискомфорта, тоже, нарастало.

Первым не выдержал Жан Геттар, из «Бонон Трейдинг». Во время блужданий по ямсовому полю, он не просто наступал на катышки, а своротил целое гнездо морских свинок. Мало того, что он чуть не получил инфаркт, когда взрослые особи и многочисленная детвора, с пронзительным визгом, бросились из-под ног, так свинки, вдобавок, взрывая, на старте землю, заляпали, его по пояс, продуктами своей жизнедеятельности.

– Пошло все к черту! Нельзя обхватить необъятное. Всех денег не заработаешь! Всех секретов не выведаешь! – Решил представитель французской фирмы, задыхаясь от смрада.

Когда Геттар пошел приводить себя в порядок, друзья-бизнесмены, пришли в страшное волнение и внимательно следили за его передвижением, из своих застекленных кабинетов. Первым делом, Жан направился к своей машине. В это время семеро остающихся внутри выглядывали в окна. Они увидели, что француз достал из багажника таинственный пакет и пошел обратно в здание. В здание, представитель «Бонона» зашел, но на второй этаж не поднялся. Заинтригованных его манипуляциями конкурентов охватила паника. Курящие потянулись курить на улицу, ведущие здоровый образ жизни, сделав озабоченные лица, отправились на первый этаж, по важным делам. Француза обнаружили в туалете, на первом этаже. Занят он был делом, довольно прозаическим – переодевался и приводил себя в порядок.

Итальянец Пьер Микели и немец Людвиг Хейм, которые застали его за этим занятием, сконфуженно взглянули, на Геттара, потом – друг на друга и отправились, один к машине, а второй в кабинет, где у каждого имелись запасные предметы гардероба.

После этого, волна напряжения в Центре схлынула и бизнесмены, осознав глупость своего поведения, старики, а ведем себя, как молокососы, стали дружно приводить себя в порядок. Когда они избавились от мокрых штанов и мерзких запахов, атмосфера в Центре посвежела, во многих головах появились разумные мысли. Наиболее светлая посетила уроженца Швейцарии Бенедикта Доломье из «Бейкер Компании». Он покинул свой кабинет, заглянул к соотечественнику Андре де Люку, из «Люк энд Люк Компании», и предложил попить кофе. Де Люк выразил согласие. По пути, в кафетерий, Доломье заглянул еще в парочку кабинетов и сделал их обладателям аналогичное предложение. Те, кому он предложения не сделал, сориентировались сами. Поэтому вскоре, в точке общественного питания, на первом этаже, собрались восемь озабоченных бизнесменов.

Официально кафетерий открывался в восемь утра, а закрывался в восемнадцать – ноль, ноль. Однако его двери были открыты круглосуточно. В прошлом году, первые три дня, после открытия центра, заведующая кафетерием, Раиса Петровна или ее племянница, еще стояли за стойкой от звонка до звонка, но вскоре им это надоело. Торговля шла вяло. Доходы, от нее, по деревенским меркам, были мизерные. Поэтому, вскоре, Раиса Петровна реформировала заведение. Она устроила внутри, что-то наподобие шведского стола с выпечкой и бутербродами, а кофе и напитки призывала, работников центра, наливать себе самостоятельно.

– Расплачивайтесь, по прейскуранту. – Заявила она посетителям. – Вот – ценник. Вот – касса. Тут, мелочь, на сдачу. Если у кого денег нет или сдачи не хватает, записывайтесь в книгу. Я, вот – грассбух положила. Со временем рассчитаемся.

Подобная безалаберность, повергла иностранцев в ужас.

– Туда ли мы приехали, куда нужно? – Думали они. – Разве можно вести дела, с подобными людьми?

Вскоре, правда, ситуация стала понемногу проясняться. Однажды грек Ванадис, вместо того, чтобы положить свои деньги в кассу, достал оттуда казенные, и, с легким сердцем, иронизируя по поводу отсутствия у белорусов коммерческой жилки, отправился в город. Через час, на его машину недалеко от деревни, наткнулся один из приезжих и забил тревогу. Машина Ванадиса стояла на обочине, а сам он валялся, тут, же, у распахнутой дверцы. Грек дышал, но не двигался. Приехавшие врачи диагностировали у дельца флористическое отравление и забрали в больницу. Обнаруживший Ванадиса, словенец Сташек, поинтересовался:

– Как, это – так? Выходит, здесь, у вас опасно? Можно, запросто, на ровном месте подхватить сennую лихорадку?

– На ровном месте нельзя. Просто этот спер чего-то. – Пояснила женщина-врач.

– Ась?

– Украл, говорю, что-то. От этого организм стал восприимчив к мельчайшей концентрации вредных взвесей.

Сташек ничего особо не понял, но вечером, подробно рассказал эту историю в Центре. О болезни Ванадиса, там знали. О диагнозе – нет. Диагноз вечером Сташек озвучил в кафетерии. Раиса Петровна, в это время, как раз, подвезла свежей выпечки и снимала кассу.

– А, я думаю – как-то денег маловато. – Простодушно заметила она. – Будто, вы сегодня не пили не ели. А, оно, вон – что! Выручку, то прикарманили!

– Возможно, это не так. – Сказал кто-то.

– Даже, если и, так! Возможно это не он! – Поддержал говорившего сосед по столику.

– Милок, кабы это был не он, он бы зараз, под капельницей не валялся. – Заметила, тогда Раиса Петровна. У нас, на шаловливые ручки – реакция мгновенная. Родня, интересно у него есть?

– А, что?! Это смертельно?

– Не смертельно. Нет. Но, год, это минимум, в санатории лечиться надо.

Речь, Раисы Петровны, была туманна. Реакция, на пропажу, неопределенна. Поэтому ее словам не придали особого значения. После Ванадиса, ошибку совершил болгарин Ананич. Этот действовал более изощренно. Дождался, пока в кассе не скопится порядочная сумма и, только, тогда произвел экспроприацию. Этот процесс был отмечен британцем Коллинзом, который решил не бить тревогу, а провести экспериментальные наблюдения. Эксперимент окончился удачно. Ананич вырубился прямо на крыльце Делового Центра.

Приехавшие медики поставили диагноз и укоризненно заметили:

– Что, же, вы, господа бизнесмены, у людей крадете. Если у вас денег, на булки нет, не то, что на инвестиции, чего было, сюда ехать?

Господа бизнесмены неодобрительно загудели, мол, это – поклеп, ничего, такого, в бизнес среде происходить не может. В бизнес идут кристально честные люди. Но Коллинз сделал признание, что наблюдал процесс перемещения денег, из кассы в карман болгарина. А не остановил, дескать, потому, что хотел побеседовать наедине и уговорить, вернуть деньги.

– Куда его? В больницу? – Поинтересовался один из зрителей.

– Нет. Этот, по симптомам, сразу в санаторий отправится. – Сказала приятная женщина врач, Лариса Львовна, приехавший по вызову.

Грузить пострадавшего в машину не стали. Только положили на носилки и отнесли к забору. Врачиха села в «скорую» и уехала. С Ананичем остались, только санитары. Все поду-

мали, что за ним придет другая машина, и разошлись. Но болгарин, провалился под забором часа два, а другой машины, все, не было. Иностранцы, стали интересоваться, когда белорусские медики собираются начать лечение.

– Вот-вот начнем. – Успокаивали их белорусы, но ничего не делали, только пили воду и курили.

Когда негодование коллег Ананича достигло наивысшего накала, и во двор вышла делегация бизнесменов, с требованием, немедленно приступить к лечебным процедурам, Ананич зашевелился на носилках.

Глава делегации прервал обличительную тираду и вместе с делегатами уставился на ожившего соратника. Болгарин ожил, но как-то не до конца. Он встал на ноги и тупо глядя, перед собой, стал раскачиваться. Потом сделал шаг, другой и уверенно двинулся, к какой-то, одному ему ведомой цели.

– Дмитрий, ты куда? – окликнули его.

Но болгарин не обращая внимания, на призывные оклики упрямо шагал, вдоль по улице. За ним бросились. Пытались остановить.

– Это бесполезно! – Кричали, им вслед, санитары.

В Ананича вселилась совершенно непонятная сила. Он, походя, отмахивался от доброжелателей, которые валились от его пинков, как кегли. Вскоре желающих остановить Ананича, не осталось. Остались только наблюдатели. И тех до околицы дошло человек пять. Мало, кто мог выдержать набранный болгаринном темп. Трое остались на крою деревни, махнув на это дело рукой, но двое самых упертых проследовали дальше.

– Ну, что? – спросили у них, по возвращении. – И, от вас ушел?

– Ушел. Прямо в лес ушел. Спятил наверно.

Выборный представитель, бизнес сообщества, обратился к высоким белорусским властям. Те отослали их к властям местным. Молочаевский участковый принял заявление, о пропавшем, и пообещал, что проведет расследование.

Через неделю, он вызвал к себе ответственного иностранного представителя и сообщил, что Ананич жив, находится в лесу и выходить оттуда не хочет. В доказательство своих слов он продемонстрировал несколько снимков, на которых был запечатлен сам, рядом с болгаринном. На одном они просто стояли рядом, на другом Ананич держал в руках газету, за вчерашнее число, на двух следующих, он, в первом случае сидел на корточках и грыз кусок сала, на другом волок, куда-то охалку сухих веток.

– Мы против воли человека действовать не можем. – Вздыхнул, при этом, капитан Марченко. – Захотел, если человек, окунуться в мир неизведанного – пускай. Не можем ему препятствовать.

За рубежом, бить тревогу никто не стал. Ананич был холост. Руководство фирмы, на его побег отреагировало равнодушно, а, в Греции, родня Ванадиса, узнав, что лечение в белорусском санатории бесплатное, даже обрадовалась. В широком семейном кругу Ванадисов, по слухам из Аттики, всерьез обсуждалось, кого, еще из близких можно отправить в Белоруссию полечиться бесплатно.

На кассу, после этого зариться перестали. Но некоторые, как ухватили, с самого начала, халяву, за хвост, питаюсь у Раисы Петровны бесплатно, так и не платили дальше. Видимо не считали это воровством. Продолжалось это до тех пор, пока утром, при большом стечении народа, в кафетерий не зашла пожилая женщина.

– Здравствуйте, ребята! – поздоровалась она.

«Ребята» отозвались, на приветствие, вразнобой. Кто отчетливо, кто невнятным мычанием с набитым ртом.

– Приятного, всем аппетита. Я, у вас спросить хотела. Вы себя хорошо ведете? Не хулиганите? Деньги исправно платите! Не обманываете Раису Петровну?

– Нет! Да, что – вы!

– Как, можно?!

– Как вы могли подумать?! Мы в бизнесе, столько лет, только за счет порядочности и держимся!

– Ну и ладно. – Сказала старуха.

Выглядела она, несмотря на возраст, осанисто и мощно, так, что именовать ее старушкой, никому в голову не пришло.

– Если, кто забыл, то до вечера, можно дело поправить. До семнадцати часов. Ну, не буду вам мешать. Кушайте, на здоровье.

Когда она ушла, сидящие за столиками, стали, усмехаясь обсуждать особенности ведения бизнеса, в местных условиях. Особенно стебались двое соотечественников: почетный консул Андорры, неаполитанец, по происхождению, и его приятель, калабриец.

– Святая простота! Патриархальность! Это конечно хорошо, но в современном мире, на этом далеко не уедешь.

Некоторые впрочем, задумались, но большинство не серьезно. Серьезно задумались, тогда, двое британец Коллинз и швейцарец Доломье. Доломье, думал в русле сказанного, но в общих чертах, а Коллинз размышлял о вещах конкретных. Когда британец, позавтракав, подошел к кассе и положил, туда сотню евро, Доломье спросил его:

– Что не доплатил?

– Нет. По всем расчетам, у меня баланс сходится. Но могу, ведь и ошибаться. А, ошибки, как мне кажется, здесь дорого обходятся.

– Ясно. – Сказал Доломье и, подумав, тоже опустил в кассу столик.

– В конце, концов, даже, если мы ошибаемся, то это не переплата. Судя по качеству местных продуктов, цены, здесь сильно занижены. – Сказал представитель страны гномов.

После семнадцати часов, того, же дня, а именно в семнадцать пятнадцать один, из центровых, заглянув к соседу, обнаружил того застывшим, словно изваяние и цвет лица, у каирского бизнесмена был нездоровый. Он не побледнел, оттенок кожи оставался темным, только вместо восточного кофейного, отливал буйной зеленью.

Весть, мигом облетела Центр. Собравшиеся заглядывали в кабинет и оживленно обсуждали случившееся. Потом, кто-то вспомнил о контрольном времени, озвученном бабкой, поутру. На этой волне стали смотреть, кого не хватает. Определенности в подсчетах не добились, потому, что было неизвестно, кто уехал, а кто остался. Решили сделать обход. В боксе почетного консула Андорры, обнаружили его самого и его приятеля калабрийца. Оба были зеленые и молча смотрели в пустоту. Больше, среди «центровых» потерь не было. Где-то, через час пришла весть, что возле магазина бродит зеленый «челнок», родом из Прованса. Казалось, на этом все, но через два дня, к квартету мелких «шреков», добавился пятый. Зеленый мексиканец пришел, со стороны Минска, пешком, босой и взъерошенный, и присоединился к компании.

Компания, к этому времени, стала ориентироваться в пространстве, но крен в сознании сместился в непонятную сторону. Зеленые почувствовали вкус к пению. Они днями бродили по Молочаевке, распевая итальянские мелодичные баллады и французский шансон. Когда к ним добавился мексиканец, репертуар коллектива заметно обогатился. Кроме того, кто-то из сердобольных белорусов отдал заезжим «песнярам» старую гитару и они начали напевать, под акампонимент.

После этого, до большинства, наконец, дошло, что они не где-нибудь, а в аномалии. В кассу платили исправно, и «центровые» и «челноки». Кроме того, в сельское хозяйство Узденского района начались обильные финансовые вливания. Серьезные бизнесмены осознали, что с наскока белорусов не возьмешь. Тут – люди серьезные.

Впрочем, кроме сознательного большинства, оставалось бессознательное меньшинство, которое игнорировало тревожные сигналы. Новые беды приходили, к этим, откуда они не предполагали. Двое «челноков», решили приобщиться к галактическим технологиям, не делая инвестиций. Приняв такое решение, они вечером не уехали в Минск, а засели в кукурузе и, дождавшись темноты, двинулись к облюбованной, при свете дня, ферме. Та, по их предложениям работала на инопланетных технологиях.

После этого оба пропали. Тревогу забили, дня через три, когда выяснилось, что их нет ни в Минске, ни в Молочаевке. В высокие инстанции, бьющие тревогу, обращаться уже не стали, а пошли прямо к участковому. Виктор Анатольевич, успокоил делегатов, сказав им, что пропавшие, в скором времени найдутся.

Действительно, где-то, через неделю оба появились в Центре. В кожном покрове обоих, присутствовали зеленые оттенки, но пятнами, и оба были в сознании. Потеряшки пришли в каких-то отрепьях. От них, не добились, вразумительных объяснений, по поводу длительного отсутствия и формы одежды.

– Амнезия, у нас. – Говорили оба, в унисон, тревожно, при этом оглядываясь по сторонам.

При этом оба ели так, что за ушами трещало. Прямо – не в себя. Присутствующие пришли к общему мнению, что где бы бедолаги не пропадали, край, там – голодный.

– Главное, что позеленели, но, слава богу, не поют. – Сказал немец Хейм. – Голова, уже, идет кругом, от этих песенников.

За окном, в это время, под акампонимент гитары, исполняли неаполитанскую песню.

Возвращенцы, наскоро набив желудки, уехали и больше, в деревню, не возвращались.

После этого, в самой Молочаевке, произошел, только один несчастный случай. Хорват Боскович изнуренный непосильной арендой и понуканиями начальства, совершил отчаянную попытку быстро разрешить загадку здешней аномалии, проникнув в дом местного астрального синоптика. Дождавшись ухода Геннадия Петровича, в обход, он, купившись на обманчивую безлюдность деревенских улиц, тайно, как ему казалось, проник к тому в хату. Там, в жилище Мирошниченко, хорвата и застопорило. Когда поставленные в известность о внезапном недуге Босковича, сослуживцы пришли взглянуть на тело, они увидели застывшего в скорбной позе хорвата, который стоял, склонившись над журнальным столиком. На столике лежали деньги. Аккуратно сложенный, покрытый толстым слоем пыли куб, состоящий из долларов и евро, с небольшой примесью местных денежных знаков. Рядом, на столике лежала пыльная салфетка, которую Боскович, в поисках интересного, видимо сдвинул.

– Попытка хищения? – поинтересовались сослуживцы, прикидывая, на глазок, сумму, заключенную в кубике.

– Нет. – Сказал участковый Марченко, который пригласил их, на опознание. – Таких намерений у него не было. Просто незаконное проникновение. Месяца, через два поправится.

Участковый, как бы, для убедительности, постучал костяшками пальцев, по Босковичу. Стук был деревянный. На вопросительные взгляды, Марченко ответил кивком, приглашая сослуживцев, тоже попробовать. Те постучали и убедились, что хорват, под одеждой, твердый, как дерево.

После этого случая, в центре, окончательно поняли, что незаконными методами, в аномалии ничего не добьешься. Кроме, того, известие о денежных суммах, пылящихся у деревенских, под пыльными салфетками, заставили инвесторов призадуматься. Бизнесмены поняли, что вложились в местную экономику недостаточно. Последовали новые вливания.

В дальнейшем злключения иностранцев продолжились, но уже в окрестностях. В каком-то тупике, на американца, напала икота. Сначала он месяц икал в посольстве. Когда послу это надоело, больного отправили на родину. По просочившимся данным, в Америке он икал,

еще месяца два, а когда остановился, сказал, что в Белоруссию, больше не поедет. В Северную Корею – пожалуйста! А, в Белоруссию – ни ногой!

Больше, серьезных случаев не было. Двое челноков заблудились в треугольнике Узда – Столбцы – Несвиж и катались, там пока бензин не кончился. После этого они стали слезно молить о помощи и их эвакуировали. Еще, кто-то решил заглянуть в небольшой лесок, с виду неопасный. Там исследователя основательно поколотило желудями. Человека три, с грузом на сердце, покурили ландышей, и две недели пролежали в кукурузе, мучимые кошмарными видениями. Суточных обмороков было не сосчитать, но к ним в деловых кругах, стали относиться, как к чему-то повседневному, как к издержкам трудовой деятельности.

Однако вредные условия работы, отсутствие подвижек в приобщении к передовым технологиям, постепенно сказывались на моральном и физическом здоровье торговых представителей, и их ряды мало-помалу редели.

Словом, к нынешнему лету, в деловом центре, остались, только восемь, самых стойких строителей капитализма, которые несмотря ни на что, ждали своего часа. Ждали они, разумеется, не летающую тарелку, а выхода на пенсию. Но обстоятельства оказались сильнее, и всем пришлось заняться профессиональной деятельностью.

Обычно хозяйка кафетерия, Раиса Петровна, готовила шведский стол, только, по понедельникам и пятницам, но, видимо обладая некоторыми экстрасенсорными способностями, догадалась накрыть его и в этот день. Хаотично, рассевшись в кафетерии, с чашками в руках, великолепная восьмерка, ждала, кто заговорит первым.

Первым заговорил инициатор сходимки Доломье. Швейцарец поставил недопитую чашку на столик и сказал:

– Собственно говоря, с большой вероятностью, цели, которые мы, перед собой, ставили, можно считать достигнутыми.

– Не совсем понятно. Можете выразиться яснее. – Попросил Поль Ребур, из «Холидей Компании».

– У, вас, Поль, в голове, до сих пор – бессознательное?! – спросил Доломье. – Поясняю. Возможно белорусы нас, не мистифицировали. Возможно, в этой аномалии, в самом деле, приземляются пришельцы, из космоса.

– Если это, не очередная мистификация. – Добавил Пьер Микели, из «Тоскана Кредит».

– Это вряд ли. – Сказал Коллинз, раскуривая трубку. – За такие дела, здесь холера берет.

– А, если это – не космическое? Если это белорусское? – высказал сомнение земляк Доломье – Де Люк. – В Самосваловичах, они вон, какую штуку сварганили.

– Возможно. – Сказал Доломье. – Но выглядит очень подозрительно. Подозрительно похоже, на космический аппарат.

– Все это мы, в принципе, знаем, Бенедикт. Суть разговора, в чем? – спросил Мардок Макензи, из «Камингс Лимитед», зарегистрированный в Лихтенштейне.

– Суть разговора в том, что Хочу предварительно спросить. Все, каким-нибудь образом отчитались, перед руководством, партнерами? Надеюсь, не все сразу выложили.

Собеседники, прищурено заулыбались, мол, за кого ты, нас, принимаешь! Выяснилось, что никто о тарелке в головной офис не сообщал. Все ездили в Минск, чтобы прозондировать почву.

– Только, я, пожалуй, сболтнул немного лишнего. – Задумчиво сказал немец Хейм. – Слава богу, что мне не поверили.

Все внимательно глядели, на него.

– Нет, в самом деле, не поверили. – Сказал Хейм. – Просто я поинтересовался, какие действия предпринимать, если в аномалии обнаружатся инопланетяне. Мне предложили съездить в посольство и пройти обследование у нашего врача.

– И, какие результаты? – Участливо спросил Коллинз, пыхтя трубкой.

– Я не поехал. Ни к чему. Цвет лица нормальный. Петь не тянет.

– Попробуйте сыграть. На музыкальном инструменте. – Предложил британец. – Тогда, точно, все сомнения отпадут.

– Господа, давайте – серьезно. – Укоризненно сказал Доломье. – Вернемся к сути, нашего разговора. Так – вот. Надеюсь, все помнят, что здесь творилось в прошлом году. В самом начале.

– Да, кого, тут, только не было! – Сказал Геттар.

– Надеюсь, никто не хочет, чтобы это повторилось, снова?

– К, чему, вы клоните? – Спросил Хейм.

– Если сведения, об этом пришествии, выйдут за пределы аномалии, сюда снова ринутся. Так, сказать, на готовое. Мы, спрашивается – за, что страдали? – Сказал Доломье и сделал паузу.

Во время ее, присутствующие подсчитали вложения, своего руководства, подбили сумму, за аренду офисов и пришли к выводу, что швейцарец прав. Будет обидно, если их обойдут. И руководство может расстроиться. Тогда не только высчитают командировочные, но и оставят без выходного бонуса.

– Прискачет, какойнибудь, прощелыга и заграбастает, все даром. – Подвел итог Доломье.

– Что вы предлагаете? – Деловито, спросил Макензи.

– Предлагаю выработать общую стратегию. Не сотрудничество, нет. Об этом, речь не идет. Я, еще в своем уме. Но надо действовать, так, чтобы вслед за пришельцами из космоса, не появились пришельцы, желающие составить нам нездоровую конкуренцию.

– Что вы предлагаете? – спросил Геттар.

– Предлагаю не накалять обстановку. Каждый понимает, что у конкурентов, имеются свои люди, в наших компаниях. Сообщать туда, о происходящем, значит трезвонить, на весь мир. Лучше будет промолчать и выждать. Посмотреть, как будут развиваться события. Возможно, в конце, концов, это совсем не то, о чем, мы думаем.

Участники совещания выразили свое согласие, с выступающим, дружным молчанием и наклонами головы.

– Вообще, с чего мы взяли, что эта штука – из космоса? – спросил Геттар.

– А, никто не говорит, что она из космоса. – Пожал плечами Коллинз.

– Хотя, сильно смахивает. – Раскуривая сигару, иронично усмехнулся Поль Ребур.

– Что если спросить, у местных напрямую. – Задумчиво пощипал подбородок Микели. – За спрос, вроде, у них, не травят.

– Идея не лишена смысла. – Стали поддакивать остальные. – Можно попробовать.

В это время дверь распахнулась и на пороге кафетерия нарисовалась деловая женщина. Что она – деловая, видно было сразу. Деловым у нее было все: строгий костюм, прическа, фигура, выражение лица. Лицо, правда, подкачалось. Если бы не все остальное, то его обладательницу, можно было бы, сразу, записывать в мужчины. Настолько мужественные были у нее черты лица.

Женщина внимательно оглядела сидящих в произвольных позах посетителей кафетерия, недовольно повела носом и спросила:

– Кому, это, вы, тут, курите? Немедленно прекратите.

Старожилы Молочаевской аномалии, с интересом разглядывали ее и не как не отреагировали на предложение.

– Вы, что не слышали? – Возмутилась деловая дама. – Прекратите курить!

Мужчины вопросительно переглянулись.

– Раиса Петровна – не против. – Выпуская клуб дыма, сказал Коллинз. – Так, что извините.

– Раиса Петровна, это – кто? – Недовольно спросила незнакомка.

– Раиса Петровна – буфетчица. Она, здесь всем заведует. – Прояснил ситуацию Микели и пошкрябал тонкий налет щетины на лице.

– Управляющая?! Прекрасно! У меня, с ней, будет серьезный разговор. Где ее найти?

– Возможно она дома. – Сказал Поль Ребур, выпуская струйку сигарного дыма.

– А, возможно, уже на ферме. – Добавил Доломье, демонстративно доставая сигареты.

– Если появится, то, только к обеду. – Проинформировал, поборницу трезвости, Жан Геттар, глядя на нее с откровенным сожалением.

– Ничего. Я разберусь! – Зловеще сказала дама и, уходя, хлопнула дверью.

Ее каблук застучали по лестнице. Она поднималась вверх.

– Что это было? – недоуменно спросил Ребур.

– Американка. – Уверенно сказал Коллинз и пошел варить себе кофе.

– Она, куда пошла? – обратился к собравшимся Микели.

– Так, «Американ Прогресс», здесь, офис арендует. – Сказал Коллинз. – Помните Филиппа?

– Тернора?

– Тернора, Тернора.

– Помним. Как не помнить. – Усмехнулся Макензи.

Остальные утвердительно покачали головами и переглянулись

Филиппа Тернора, в деловом центре, помнили хорошо. Напористый молодой человек, Филипп Тернор, прибыл в Молочаевку, одним, из первых. Сняв офис, он записался в «центровые», после, чего развил бурную деятельность. Деятельность эта была очень бурной, но носила бессистемный характер. Он, как угорелый носился по окрестностям, стучался в двери промышленных предприятий и свиногомплексов, раздавал, там рекламные проспекты, восхваляющие «Американ Прогресс Лимитед», которая, не только производила и разрабатывала, но и занималась благотворительностью.

Суеутился Тернор, так назойливо, что на четвертый день, упал без памяти на пороге, одного из местных спиртзаводов.

– Он, ведь, четвертый раз, ко мне приперся. – Объяснял приехавшим медикам, предприниматель. – Я, ему, даже показал, что у меня и, как. Нету, говорю у меня секретного ничего. Нет, опять приехал! Я чертыхнулся, сгоряча. Извините!

Медики сочувственно покачали головами, и отвезли пострадавшего в Узду, где того, за сутки поставили на ноги.

Потом Филипп влез в крапиву, возле какого-то свиарника и прошел трехдневный курс лечения в Минской инфекционной больнице. Вслед за этим, с ним, снова, случился суточный обморок. После второго обморока, Тернер пошел, следом, за кем-то в лес, где получил многочисленные ушибы. В строй он вернулся, уже через два дня, еще перебинтованный и заляпаный зеленкой. После этого, в течение полутора месяцев, с ним, случались, только обмороки, ветрянка и временная слепота. Но, в конце концов, он завернул, совсем, не в ту степь, и впал в задумчивую прострацию, сопровождаемую икотой. Поскольку эта болячка прилипла к нему намертво, Тернера вывезли на родину, где после двух месяцев бесчисленных экспериментов, привели, наконец, в чувство.

– Они, что не расторгли договор? – спросил Геттар.

– Нет. – Ответил Коллинз. – Племянница Раисы Петровны, там постоянно убирается.

– Интересно, она частница или – из ЦРУ? – Спросил, то ли присутствующих, то ли сам, себя Хейм.

– ЦРУ. – Уверенно сказал Коллинз.

– Почему ты так думаешь? – Заинтересовались все без исключения.

– Оперативно приехала, это – раз. – Усаживаясь, с чашкой кофе, на свой стул, сказал британец. – По лицу видно, это – два. И материть нас не стала, сдержалась, это – три.

Как, только полковник Бурый выйдя из дома, сел в машину, водитель сказал ему:

– Иван Владимирович, Шелепова звонила.

– Да!

– Сказала, что Злыдник, уже ждет вас, в приемной.

– Да! Не может быть! Впрочем, неважно. Поехали.

Начальник Центрального управления, стал настолько задумчив, что от телефонного звонка, даже вздрогнул. Он достал телефон. Звонил Аксамитов.

– Слушаю, товарищ генерал!

– Бурый, скажи мне, утро – доброе, или не доброе?

– Не понял, товарищ Генерал?!

– Злыдник приехал?

– Так, точно

– Я, уже еду. А, ты – где?

– Тоже, подъезжаю.

– Бери своего инициативщика, и – сразу, ко мне!

– Вас понял!

Майор Злыдник и в самом деле был в приемной. Облокотившись о стол старшего лейтенанта Шелеповой, он делал двусмысленные намеки и строил глазки. Лидочка смотрела, на того, широко открытыми глазами и была в растерянности.

Бурый, с ходу оценил ситуацию, и на сердце у него немного отлегло. Он, энергичным кивком голову, скомандовал майору: «За мной», и проследовал в кабинет.

– Что случилось? – спросил полковник, когда Злыдник закрыл, за собой, дверь.

– Ничего.

– Зачем приехал?

– По делу.

– Раз – по делу, пошли к генералу.

В кабинете генерала Аксамитова, еще пахло горячим ветром, от пылесоса. При виде вошедших подчиненных, он кивнул и сказал:

– Садитесь.

Когда Бурый и Злыдник сели, председатель КГБ спросил очень равнодушно:

– Майор, вы, же должны быть в Молочаевке. Зачем приехали? Произошло что-то?

– Ничего не произошло, товарищ генерал. Просто мое присутствие, пока не обязательно, а возникла необходимость обсудить несколько проблем.

– А, если, они в ваше отсутствие выйдут? Опять, прозеваete контакт!

– Даже если они выйдут, товарищ генерал, контакт будет несерьезный, кратковременный.

Основной контакт, запланирован на послеобеденное время.

– Кем запланирован? – Удивился Аксамитов.

– Мною. – Сказал Злыдник.

– Хорошо. – Вздыхнул генерал. – Объясняйте, по порядку.

– Вчера вечером, провели совещание. С нашими местными сотрудниками, с МВД, с местной администрацией. Пришли к таким выводам, что очень тихо, у нас. Как бы не улетели.

– Так. Хорошо. – Приободрил Злыдника председатель.

– Местные на контакт идут неохотно. Не нравятся им приехавшие. К тому, же уборочная на носу. Людям бегать к тарелке, каждый раз, когда они вылезут, будет недосуг. Поэтому поступило предложение, подтянуть для массовости отряд особого назначения.

– Кого – именно?

– Прошлогодную сводную группу. Которая выступала в качестве наблюдателей.

– Вы, же говорили, что не стоит привлекать внимание посторонних. Как, в этом ракурсе, будет смотреться группа непонятных военных?

– Никаких военных, товарищ генерал. Проведем турслет. Палатки, костер, гитара – никаких мундиров. Надо, чтобы проверенные люди были под рукой. Мало ли, что. Команда ветеранов, на подхвате не помешает.

– Ясно. Я согласен. Что, этого нельзя было обсудить по телефону? Являетесь, как снег на голову! Тут и, так, в голове творится, черт, те что!

– Извините, учту. Ночь, почти, не спал. Буду заранее согласовывать цель приезда.

Из интеркома раздался голос майора Савицкой:

– Александр Владимирович, к вам – Жемчужников.

– Пусть, заходит.

Впрочем, генерал Жемчужников, уже, без приглашения, ломился в дверь. Идя по кабинету, он настороженно глядел на сидящих, за столом, но, судя по выражению, их лиц, мировая катастрофа, пока, откладывалась.

Пост милиции, расположенный на краю ямсового поля, на дороге, между деревнями Молочаевка и Погорельцы, нес службу бдительно, не отвлекаясь на красоту рассвета. А, рассвет был прекрасен. Небо на востоке, чуть розовело, туман тонкой пеленой стелился у земли. Старший сержант Приходько, зевал на эту пастораль, стоя у милицейского «уазика». Лейтенант госбезопасности Тюлькин пристально вглядывался в «паука», рядом с которым неприкаянно бродил Гена Кукурузник. Работающий по индивидуальному плану Румын, сидел на обочине, в обществе Прадеда Миши, который ворчал, по поводу малочисленности заградительного отряда. Прадед был настроен воинственно.

– Делать, что будем, когда эти гомосеки, на нас пойдут? – Спрашивал он, Румына, занюхивая укропом, чарку вискаря. – У постовых не то, что автоматов, патронов нету. Начнут высадку десанта, как оборону держать будем? С ними, ведь, и в рукопашную не сойдешься. Им, гадам, рукопашная, все равно, что интимная забава.

– Говорят, они выходили и – ничего. Не проявляли агрессии. – Заметил Румын, пряча усмешку.

– Разведчики. – Уверенно сказал Прадед. – Оценивали обстановку. Сегодня, по всем стратегическим параметрам, проведут разведку боем.

– Прадед, ты что предлагаешь? Окапываться? – Спросил Приходько.

– Окапываться, не окапываться, а народ вооружить надо было. Выдать каждому, по ружью. Чтобы видели, что нас цыцками не возьмешь! Я всех «территориальщиков» обошел. В ружье, говорю! Выдвигайтесь на передовые позиции. Нет, говорят, приказа не было. В сорок первом, вон, тоже, приказа ждали. Дождались

– Дед, куда тебе ружье? – Усмехнулся Приходько. – Ты стрелять, то умеешь?

– Во-первых – я, тебе не дед, малец, а прадед! Во-вторых – я в армии служил, не год, как ты, а три, так что стрелять могу, на основном инстинкте. В-третьих, я с малолетства к оружию приучен, не то, что нынешняя молодежь.

Прадед скептически оглядел милиционера.

– Так, уж, и – с малолетства. Скажите, еще – с пеленок. – Не сдавался старший сержант.

– С пеленок, я себя не помню, а как, себя помнить начал, был при оружии. Когда война началась, мне лет шесть было. Тогда кругом наше оружие валялось советское, которое советская армия покидала. Только, я в ту пору винтовку поднять не мог, потому, что на трудонях вырос. Вот когда немцы отступили, и свое оружие побросали, тогда – да! Тогда, уже поднимал.

Оружия, по лесам валялось, не описать словами. У каждого в деревне была винтовка. А, то, и две! Возьмешь винтовку, на жердку положишь и lupишь, пока плечо не онемееет. Днями, такая канонада, в Молочаевке стояла, будто две дивизии сошлись. Потом, постепенно, трофейные команды все подобрали. Прижали народ, с этим делом. Но все равно, считай, до пятидесятого года потихоньку постреливали. А, ты говоришь, внучок! Да, я стрелок, такой, что ласточку на лету пульей сшибаю.

Приходько ничего не ответил. Вглядываясь, в даль, он достал изо рта сигарету и сказал:

– Кажется, спускаются.

– По лучу?! – Вскочил на ноги Румын.

– Да по какому лучу? – Поднимаясь и отряхиваясь, сказал Прадед. – На палках они спускаются. Штанги из тарелки этой вниз высовываются. По этим штангам и едут. На площадках, вроде лифта открытого.

– Ну, что, же! – Сказал Румын, потирая руки. – Еще, по одной и – пошел я!

– Как это – пошел? Куда – пошел? А, я? – Возмутился Прадед. – Одного не пушу. И, не думай. С тобой пойду.

– Ты, Прадед, дойдешь? Я, к тому, что местность пересеченная.

– Внучок, я по этой местности, до Берлина дойду. На! Выпивай и пошли!

Когда земляне тронулись в сторону инопланетян, те, в количестве семи особей, прохаживались под днищем летающей тарелки, поглядывая под ноги и по сторонам. Румын с Прадедом, шли шпарко. Геннадий Петрович, который, до этого, рассеянно мыкался в стороне, заметив перемену обстановки, сперва, вытянув шею, наблюдал за возникшими подвижками, потом, тоже двинулся к точке randeву.

Инопланетяне, заметив идущих к ним представителей местного населения, вышли из-под космического аппарата, им навстречу и расположились неровной шеренгой.

Румын и Прадед Миша шли, не сбавляя темпа, неумолимо сближаясь с пришельцами. Астральный синоптик прикинул, что запаздывает в точку контакта, и наподдал. Через пару минут, практически одновременно, трое землян и семь представителей неземного разума, стали друг против друга и начали контактировать.

Некоторое время, все молчали, разглядывая друг друга. Потом, Румын, контактер со стажем, почувствовал, что пауза становится неловкой, и смело шагнул вперед.

– Здравствуйте! – Сказал он, протягивая руку ближайшему пришельцу, на шее которого висела карточка, где рядом с непонятными знаками стояла арабская цифра двадцать девять.

Тот не оплошал. Видимо хорошо подготовился. Он ответил крепким рукопожатием и сказал, по русски:

– Здравствуйте.

Румын определив, что разумные существа на контакт идут, не стал останавливаться на достигнутом и прошелся вдоль строя, по очереди здороваясь с каждым. Все инопланетяне знали, как здороваются, на земле, и все знали русский язык.

Поручкавшись, Румын отступил назад и спросил:

– Как долетели? Больных, оставших – нет?

Тут, инопланетяне призадумались. Наконец Двадцать Девятый сказал:

– Мы не болеем. Отстать у нас никто не мог, потому, что мы перемещаемся единым коллективом, в одном средстве передвижения, которое представляет собой замкнутое пространство.

– Ну, вы даете! – Покачал головой ответственный контактер. – Тогда спрошу, так! У вас, что – туристическая группа, или вы с исследовательскими целями прилетели?

– У нас – гуманитарная миссия. – Собравшись с духом, выдал, из себя Двадцать Девятый и, в поисках поддержки, стал оглядываться на товарищей.

– От лица всего человечества, приветствую вас! – Торжественно сказал Румын, подняв руку в индейском приветствии.

Сказав это, он, видимо сам, в полной мере, осознал торжественность и значимость момента. Глаза его заблестели, плечи расправились. Геннадий Петрович, после этих слов, словно очнулся. До этого, он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и был весь, в себе. Перестав, косить взглядом в сторону горизонта, Мирошниченко восторженно и бросился к инопланетянам. В первую очередь к Двадцать Девятому.

– Мирошниченко! Местный астральный синоптик! – Выпалил он и стал трести руку гуманоида. Бросив руку Двадцать Девятого, он обошел остальных; со всеми поздоровался за руку и всем, по царски, представился:

– Мирошниченко, астральный синоптик. Местный синоптик! Очень приятно!

Встряхнув всех, Геннадий Петрович, завернул вираж и пристроился за спиной у Румына.

– Хотелось бы знать, какие у вас планы, на будущее. – Сказал Румын. – Нет. Все понятно, что планы у вас грандиозные. Может, даже секретные. Просто хочется знать, вы, если вас пригласить в гости, откликнитесь на приглашение? Это, вам, можно? По внутреннему регламенту?

В общих чертах, суть вопроса, инопланетяне поняли и видимо были готовы к подобному развитию событий. Вперед вышел пришелец, под номером четырнадцать и торжественно сказал:

– Мы будем рады откликнуться на приглашение землян, если такое предложение поступит.

Четырнадцатый выжидательно уставился на Румына, видимо ожидая приглашения.

– Да, мы, такой народ – гостям, всегда, рады! Только вам сразу придется утрясти, кой-какие формальности. По мне, так, можно, прямо, сейчас идти. Только вы, наших чиновников, врасплох застали. Они, еще не расшевелились. Обещали с утра приехать, да что-то нет никого. Вас зарегистрировать надо. У нас в Белоруссии сорок дней можно без визы, свободно, перемещаться. Только отметку в паспорте надо поставить. У вас, кстати, паспорта есть?

– Нет. А что это такое? – Заинтересованно спросил Двадцать Девятый.

– Это документ такой. – Сказал Румын и полез в карман.

Достав оттуда паспорт, он протянул его Двадцать Девятому.

– Вот смотрите! Тут имя и фамилия. Тут – кем, где и, когда выдан.... Ладно забирай! Потом отдашь! У вас, же, наверно множительная техника, наверно имеется?! Сумеете сварганить?

– Наверно ... – Растерянно сказал Двадцать Девятый, глядя на паспорт.

– Не тушуйся! Раз – из дальних галактик прилетели, то сделаете! Ничего, здесь особо сложного нет. Особенно для вас! Справитесь. Только вместо моих данных, свои указывайте.

– Да конечно

– Теперь, разрешите, от имени местных жителей, пригласить вас на торжественный ужин, который состоится в семнадцать часов, по местному времени! Приглашаются все присутствующие. И, конечно, если, еще, кто пожелает – милости просим!

– Большое спасибо! Мы будем очень рады участвовать в этом мероприятии! – Не скрывая облегчения, сказал Четырнадцатый.

– Ну, и – ладушки! У вас, с местным временем – как? Ориентируетесь?

– Да. Мы, уже ознакомились с местным делением циклов на правильные отрезки. – Сказал Двадцать Девятый.

– С оформлением документов задержек не будет. Вы выходите, тогда, в шестнадцать тридцать. Мы вас, тут, встретим.

– Да! – Спихнулся Румын. – Вы, как желаете, к месту торжественной встречи проследовать? На своих двоих или воспользуетесь транспортным средством?

– На «свих двоих», это, какой способ передвижения? – Озабочено спросил Четырнадцатый.

– Так, пешком, это значит. Ногами. Ноги у вас две, я вижу. Как у нас. На них и пойдете. Тут недалеко. Минут двадцать, идти, по местному времени.

– Тогда, мы будем рады совершить прогулку, не прибегая, к помощи, транспортных средств.

– Ну, тогда – бывайте! Встречаемся в шестнадцать тридцать.

Румын взял руку Двадцать Девятого, потряс ее, на прощание, и махнув своим: «За мной», двинулся в сторону дороги, где, прослышав об очередном контакте, собрались дети и человек десять взрослых.

Геннадий Петрович, пристроившись рядом с Румыном, долго сопел у него, под ухом, потом, на ходу, спросил:

– Странно они выглядят? Не находите?

Румын пожал плечами, а Прадед Миша укоризненно сказал:

– Ну, ты, Гена – даешь? Это, же, тебе – не человеки. Пришельцы это, из галактики! А выглядят, так, потому, что трехголовые. Ты, небось, подумал, что это бабы бородатые?! Так – нет. Просто, они одну голову наружу выставили, а две под комбинезоном прячут. Неужели, сразу, не сообразил?!

– Вот, оно – что! Трехголовые! А, я, сразу, не догадался! – Хлопнул себя по лбу, астральный синоптик.

Генерал Жемчужников, когда ему разъяснили цель приезда Злыдника, готов был растерзать майора, на месте.

– Ты, что Иван Иванович, совсем ополоумел?! Я приезжаю – мне говорят: Злыдник приехал, теперь вызвали к председателю. Я, пока поднялся, чего, только не передумал. На вали-доле, сюда шел!

– Извините, товарищ генерал! Больше не повторится! Не подумал!

– Еще раз, не подумаешь, будешь учиться думать, знаешь, где?!

– Догадываюсь.

– Нет, Ваня, ты даже не догадываешься. Есть, такое заветное местечко, у нас. Я, его, для особого случая придерживаю. Еще раз, меня взволнуешь – этот случай наступит.

Жемчужников покачал головой и сказал:

– Ладно, давай продолжай. Что у тебя – еще?

– Сельхоздозор возможно придется подтянуть, в прошлогоднем составе. Они уже притерлись, там, должным образом. По всем данным, после прошлогоднего катаклизма, лишнего не болтали. Пока, выдвигать их не надо, но пусть находятся в полной боевой готовности.

– Согласен. – Сказал Аксамитов.

– По поводу отложенного контакта. Я распорядился, если они утром выйдут, отложить торжественную встречу, на вечер. Мотивировка – такая! Прибудут официальные представители, зарегистрируют ваше прибытие, тогда – милости просим. У нас, мол, все идет, по порядку.

– Передвижной таможенный пост? – Спросил Аксамитов.

– Поста не надо.

Злыдник достал, из кармана, бумажку, заглянул в нее и сказал:

– В группе наблюдателей есть работник таможни. Вот – прапорщик Пшеничный. Он их и оформит. Там делов – составить список присутствующих.

– Хорошо. – Сказал Аксамитов. – Что еще?

– Только его доставить, на место надо в экстренном порядке. Часам, к пятнадцати, чтобы был в точке приземления.

Злыдник вопросительно взглянул на Бурого. Полковник утвердительно кивнул.

– Дальше. – Сказал майор. – Местный колхоз оказывает шефскую помощь Центру психического здоровья. К ним, каждое лето приезжает группа аутистов, на оздоровление. Надо звонить в Новинки. Пусть они эту группу поскорее организуют и отправляют в колхозный санаторий. Я, с Ириной Витольдовной договорился. Они готовы их принять, в любое время.

– Они, тебе – зачем? – Прищурился Жемчужников.

Злыдник стал объяснять. Его внимательно слушали. Когда майор закончил говорить. Генералы и полковник переглянулись и одобительно кивнули.

– Еще, надо организовать конференцию астральных синоптиков. – Перешел руководитель инициативной группы к следующему вопросу. – Небольшую. Из тех, кто согласится приехать. Синоптики не академики. Их силком не потащишь. Думаю, это дело капитану Габе поручить. Пусть проедет, по логистическим центрам, поговорит с людьми.

– Конференция – зачем? – Спросил Бурый. – Что аутистов недостаточно будет?

– Чем больше психов, мы там сконцентрируем, тем гуще будет дымовая завеса. – Уверенно сказал майор. – Конечно, один Мирошниченко, со своим опытом, десятка новоявленных синоптиков стоит, но подмога ему не помешает.

В центральном зале космического корабля собралось экстренное заседание членов экипажа. По регламенту, открыть его должен был номер первый, Гидропоник. Но он тянул время, терпеливо ожидая, пока все рассядутся, по своим местам. Сидели, только человек пятнадцать. Еще столько, же, сбившись в кучу, разглядывали паспорт Румына. Паспорт листали, изучали номер, даты, прописку и особые отметки.

Наконец, все расселись, и Гидропоник открыв собрание, предоставил слово Галактику. Галактик был краток.

– Кто, что, по этому поводу думает? – Спросил номер тридцать третий и сел на место.

Слово взял Экстремал, который вчера обнадеживал собрание, что сегодня их будет встречать многотысячная толпа, с транспарантами.

– Здесь, непонятно, что творится. – Сказал он, после ритуального вступления, в котором превозносились достижения нанайской цивилизации. – Система проанализировала ситуацию в «Интернете». О нашем прибытии, там, почти, не говорят. На единичных сайтах, такая информация прошла, но участники виртуального общения высказали, по этому поводу, свои сомнения и множество критических замечаний. Замечания сводились к тому, что, то, что происходит в этом районе очень неопределенно и верить этому или нельзя, или можно, с большой натяжкой.

– Так, куда, в конце концов, мы сели? – Ерзая на месте, спросил номер четырнадцатый, Биолог. – Сегодня во время выхода, я не мог ничего понять, хотя язык освоил досконально. Слова все знакомые, но в связке получается непонятно, что.

– Возможно, это один, из оттенков местной разговорной речи. – Сказал Экстремал. – Я покопался в местном информационном пространстве, оказалось, что местные языки имеют различные оттенки. Впрочем, как во многих мирах, где мы побывали. Дело не в свойствах местного диалекта. Не отвлекайтесь. Дело в том, что люди, на этой планете, остались равнодушны к нашему прибытию. Ведь, везде, куда мы прилетали, нас сразу или начинали убивать, или радушно встречали и обращались с просьбами помочь в улучшении жизненных условий. Сразу, после посадки, без промедления. Здесь, все – по-другому. Вот к контактной

группе, подошли всего трое. Правительство не приехало. Эти трое становили контакт и ничего не попросили. Даже сувенир, на память. Странно.

– Они назначили торжественную встречу, на конец светлого времени суток. Возможно, тогда попросят. Прибудут высокие представители и обратятся с просьбой, о помощи. – Успокаивающе сказал Материалист, пятнадцатый номер.

– Не исключено, что, так будет. – Согласился Экстремал.

– Давайте решать, что будем делать с паспортами! – Повышенным тоном, сказал Биолог. – То, что нас попросили сделать идентификационные удостоверения, меня, лично успокаивает. Этот фактор обнадеживает. Возможно нас, сегодня, вскрывать не станут.

Все посмотрели на него, но не осуждающе, а, с пониманием. Все знали, какой груз ответственности ляжет на плечи Четырнадцатого, во время предстоящей миссии.

Стали обсуждать проблему паспортов. Решили изготовить их, для каждого члена экипажа. На всякий случай. Долго решали, какое место дислокации указать в качестве «прописки». Сошлись во мнении, что укажут местом своего проживания не номерной знак летательного модуля, а родную и всеми горячо любимую планету Нанайю.

Решив основную проблему, перешли к частностям. Говорили на бытовые и общественно-политические темы. Организмы, у всех, заработали в нормальном режиме, и всем хотелось выступить.

По существу, высказался один Электроник.

– Не удастся точно установить источник помех. – Сказал он. – Основные шумы идут со стороны участков занятых растительностью. Что там фонить, может – не понятно. Железа там практически нет. Военных и гражданских объектов – тоже. Буду разбираться дальше.

В заключение, слово взял Корректор. Он напомнил представителям Нанайи о целях, их, высокой миссии, о моральной ответственности, которая возложена на них Верховенствующим Советом, поговорил о моральном облике, который они должны блюсти, постоянно, особенно, в общении с другими разумными существами. Потом Корректор стал цитировать отдельные статьи Декларации Гармонии, в промежутках между цитатами объясняя, как жизненно важно соблюдать, именно, эти положения, вдали от родины.

Когда его монотонная речь, наконец, окончилась, все приветствовали оратора дружными аплодисментами.

Глава третья

Прапорщик Пшеничный был устойчив психологически, прямо, хоть в разведку его отправляй. И не просто, в тыл врага, а прямо в ставку противника, на нелегальное положение. Так говорило его прежнее командование, в Московском УВД города Минска, так утверждало его нынешнее таможенное руководство, на белорусско-российской границе. Поэтому, когда вокруг него начался сегодняшний переполох, он сохранял полную невозмутимость, в то время как начальство находилось на грани нервного срыва.

Началось все, со звонка из Минска. Звонок поступил начальнику контрольно-пропускного пункта. Причем звонил сам директор департамента, лично.

У начальника КПП спросили, работает в его подразделении прапорщик Пшеничный, или – нет. Если работает, то где он находится, на службе или дома.

– Я выясню, в течение получаса. – Сказал начальник КПП, стоя у стола, навытяжку.

– Вы, что не понимаете, о чем идет речь? – Раздался угрожающий рык, с другого конца провода. – Выясняйте немедленно. Не кладите трубку!

Начальник отключаться не стал, аккуратно, без стука, положил трубку на стол и метнулся в приемную.

– Люда! Срочно найти Пшеничного! Выяснить, где он, на службе или выходной.

– Хорошо, Андрей Дмитриевич.

– Не хорошо, а немедленно! Давай, давай.

Начальник КПП, выхватил, из кармана, мобильник и стал сам вызывать старшего смены. У того было занято. В панике, Андрей Дмитриевич подскочил к открытому окну и выглянул наружу. В курилке сидели трое.

– Эй, кто – там? – Крикнул он, во весь голос. – Пшеничный где?

Курильщики стали выглядывать из беседки. Разобравшись, кто кричит, вышли наружу и отдали честь.

– Чего стоите? Пшеничный, где, спрашиваю?! Разбежались, нашли, немедленно! Бегом!

Застигнутые врасплох подчиненные мелкой трусцой разбежались, по трем направлениям. Двое сразу завернули за углы административного здания, а третий потрусил к терминалу. Те, что забежали за здание, по законам геометрии, вскоре сошлись в одной точке. Искать Пшеничного никто, из них, не собирался.

– Чего, это – он? Не знаешь? – Спросил один, другого.

– Очумел, от жары. Бесится.

– Чего, ему, Пшеничный понадобился?

– А, кто знает! Надо, пускай сам ищет. Или помоложе, кого пошлет.

Третий, который побежал к терминалу, забежав в прохладное помещение, сразу забыл, зачем его посылали. Вместо поисков Пшеничного, он решил, что самое время попить водички и отправился на поиски водопоя.

Начальник КПП, в это время, выходя из себя, барабанил кулаком по столу секретарши, а пальцами другой руки, работал с мобильником, пытаясь, дозвонится до начальника смены. Мысленно он прикидывал, не сбежать ли к сейфу, за пистолетом, чтобы заставить всех, вокруг, шевелиться, но подумал, что это займет дополнительное время, и остался на месте.

Секретарша, в первый момент, сделала обиженное лицо, но потом, когда на пол посыпались канцелярские принадлежности почувствовала, что ситуация не располагает к истерике и, даже, перепугалась. С перепугу, она стала жать не на те кнопки. Так продолжалось довольно долгое время. Андрей Дмитриевич стучал кулаком по столу, секретарша не могла связаться с нужными службами. Пшеничный был неизвестно, где. Секретарь, чувствуя, что вот-вот нач-

нут барабанить по голове, стала спрашивать, везде, куда попадала, что им известно о месте пребывания прапорщика.

Эта политика, принесла свои плоды. На третий раз ей ответили, правда, неизвестно, кто, что Пшеничный сегодня на службе, к ним заходил, но где, сейчас – неизвестно.

– Искать! – Рывкнул начальник КПП и кинулся обратно в кабинет.

В кабинете, он схватил со стола трубку, прижал ее к уху и выпалил, что начальник КПП, майор Брестский, у телефона!

– Где вы ходите?! – Раздался в трубке зловещий голос. – Нашли Пшеничного.

– Так, точно! Он – на службе. Следует, по вызову, ко мне.

– Хорошо. – Сказал директор и повесил трубку.

Начальник таможни некоторое время простоял в растерянности, с трубкой, возле уха, потом встряхнулся и начал действовать. Наконец, ему удалось связаться с начальником смены. Он очень красноречиво донес, до того, что о нем думает, и отдал приказ доставить Пшеничного, к нему в кабинет, живого или мертвого.

В этот момент механизм системы, наконец, скрипнул, и колеса его завертелись. Приказ о поимке Пшеничного, пошел по инстанциям. Начались его поиски. Механизм набирал ход, колеса вертелись все быстрее.

Сам прапорщик, в это время, пристроившись в теньке, за углом терминала играл в шашки, с водителем застрявшего, из-за поломки, на таможне грузовика. Из своего укромного убежища, прапорщику было видно, что движения грузового транспорта на КПП нет, и он был безмятежно спокоен.

Суматоха, тем временем нарастала. Начальство поминутно интересовалось где – Пшеничный. Рядовые сотрудники носились, как угорелые. Пшеничный играл в шашки.

Когда прапорщика стали звать, во весь голос, водитель Толик сказал:

– Тебя, вроде, ищут.

– Ничего, пусть поищут. – Сказал Пшеничный, раздумывая над ходом. – Не горит. Как премии лишать – не ищут. Лишили и все.

– За что лишили. – Спросил Толик.

– Из принципа. – Сказал прапорщик. – Для отчета, об экономии средств.

Наконец, кто-то, самый хладнокровный, догадался заглянуть, за угол.

– Пшеничный, ты – чего?! Тебя ищут все!

– Чего ищут? Машины ни одной. Пусто.

– Начальник ищет. Аж, из Минска звонили! Из Департамента!

– Ладно, иду.

Пшеничный поднялся, потянулся и двинулся, к зданию администрации. Отовсюду выглядывали служащие терминала и провожали его взглядами. В корпусе, где размещалось руководство, сотрудники, выглядывая в окна, вполголоса обсуждали, на чем Пшеничный попался и, куда его, теперь.

Прапорщик, прошел, только полдороги, до точки назначения, когда к корпусу подъехала темная машина и оттуда вышли двое. Оба были в штатском, но явно не гражданские служащие. В предчувствие эпохальных событий, зрителей стало нервно колотить изнутри.

Пшеничный, еще, только подошел к крыльцу, а двое приехавших, уже были в кабинете начальника таможни. Тот, их, сразу опознал, и, когда посетители представились, не выказал удивления.

– Пшеничный – на службе? – Спросил старший, по званию.

– Так, точно. – Сказал Брестский. – Вот-вот, должен подойти.

– Хорошо. – Сказал старший и стал смотреть в окно.

Младший не отрывал взгляда, от хозяина кабинета. Тот, обливаясь холодным потом, гадал: «Пшеничного одного заберут или со мной, вместе?» Голова у начальника не успела пойти кругом, потому, что прапорщик, явился, почти сразу.

– Разрешите?! – Постучав в дверь, спросил виновник переполоха, и, получив разрешение, вошел.

Без страха, оглядев присутствующих, он поинтересовался:

– Вызывали?

Начальник не успел ответить, потому, что старший, из приехавших, шагнул вперед и, протянув руку, для рукопожатия, сказал:

– Прапорщик Пшеничный? Очень приятно. Капитан Минич. Вам, надлежит немедленно отбыть, в служебную командировку.

– Домой заехать надо. Переодеться.

– Вам приказано, отбыть одетым по форме. Приказано дополнительно экипировать вас на месте.

Минич повернулся в сторону начальника таможни и спросил:

– Вам, по этому поводу, уже звонили?

– Звонили?! – потряс тот головой. – Мне звонили, только о наличии прапорщика, на службе. Насчет командировки, я – не в курсе.

В это время на столе зазвонил телефон.

– Ответьте. – Сказал капитан.

Звонили насчет командировки.

– Обеспечь всем необходимым. – Кричал в трубку начальник областного таможенного комитета. – Всем, чем можно и всем, чем нельзя! Ты меня понял?

– Вас понял!

Когда Майор Брестский поинтересовался у подчиненного, что тому потребуется для выполнения задания, прапорщик немного подумал и сказал:

– Мне позвонить надо. Можно?

Контрразведчики, только пожали плечами, а начальник пододвинул аппарат ближе к краю стола. Пшеничный заглянул в мобильный телефон и набрал номер.

Через довольно продолжительный промежуток времени, вызываемый абонент, ответил.

– Товарищ майор! – Радостно сказал прапорщик в трубку. – Пшеничный говорит. Тут, такое дело. Командировка – у меня, срочная. Вот, посоветоваться хочу Ага! Ну, я, так, сразу и понял! Ясно А, сроки? Понятно..... Понятно До встречи!

Пшеничный положил трубку. Все в кабинете заинтригованно молчали.

– Это – Почесал голову прапорщик. – Тут, значит товарищ майор, мне понадобится

Он повернулся к капитану Миничу.

– Домой, значит, не заедем?

– Нет. Транспорт, за вами прибует, прямо, сюда.

– Тогда, мне понадобится: два комплекта гражданки моего размера, полевая амуниция, спальный мешок, фляга, термос и все прочее.... Еще продукты, на три дня.

Колеса системы, которые набрали ход, завертелись, еще сильнее. С одобрения капитана Минича, для экипировки Пшеничного, стали ворошить конфискат. Прапорщика два раза одели, с ног до головы, выдали спальные принадлежности, два термоса две фляги и прочую мелочь. Когда вскрывали задержанные на таможне контейнеры с санкционными в России продуктами, в небе загудело. Прилетел вертолет. Он приземлился на вертолетную площадку. Экипаж мотор глушить не стал, а перешел на малые обороты.

То, что за Пшеничным прислали вертолет, произвело на всех сильное впечатление. Даже на капитана Минича. Тому было сказано, что за Пшеничным прибует транспорт, но, что

транспорт будет воздушным, не сказали. Майор Брестский, после прилета вертолета, совсем пал духом. Думая о премии, которой он лишил прапорщика, накануне, начальник таможни, решил, не мелочится. К вертолету потащили коробки с зеленым сыром, испанской ветчиной и другими деликатесами.

Когда Пшеничный взошел на борт, вертолет, сразу, же, отчалил. Сослуживцы прапорщика вполголоса обсуждали происшествие. Мужчины многозначительно кивая, говорили, что здесь все не, так, просто. Женщины открыто обсуждали тему «секретности» Пшеничного, и говорили, что он такой обыкновенный, потому, что – законспирированный, а по настоящему, в жизни, он, видимо, сродни агенту с двумя нулями.

Эпопея с прапорщиком Пшеничным была только началом, в череде схожих событий, которые происходили в этот день, в различных уголках Беларуси.

В УВД Московского района города Минска, подняли по тревоге сержантов Абдулова, Качана и Волоховича. От министра МВД, поступил приказ экипировать, указанных сотрудников, по походному и отправить в точку назначения. О местоположении, упомянутой точки, вышеперечисленные сотрудники, могут узнать, по телефону, который прилагается.

По телефону, установленному в кабинете председателя Молочаевского сельсовета, Абдулову, который звонил от лица всех троих, ответил подполковник Лизурчик. Выяснилось, что цель командировки у всех одна – Молочаевка. Причем формулировку «по-походному», надо воспринимать в буквальном смысле. То есть одеваться туристами и переливать водку в канистры.

В то, же, время, бывший старший сержант московского УВД, а ныне – мичман Пинской Таможенной флотилии, Агейкин рыбачил с борта патрульного катера, в одном из левых притоков Припяти. Шла камбала среднего размера. Раньше Агейкин рыбалкой не увлекался. Негде было. В стоячих водоемах современной Белоруссии рыбачить было опасно, из-за внезапных выбросов газа, а к проточным было не подобраться, из-за крапивы и других жалящих растений. На редких участках берега, где ядовитую поросль задавили, приходилось платить бешеные деньги, чтобы посидеть в плотных рядах удильщиков и посмотреть на поплавок. Только, рыба на таких участках отсутствовала напрочь. Вдали, там, где берега были покрыты растительностью, она играла, а в сектора любительского рыболовства не шла.

Попав, во флотилию, Агейкин познал радости рыбалки и намертво присох, к этому занятию. Тем более что заняться, кроме этого, на службе было нечем. Редко-редко форсировать водный рубеж пытался какой-нибудь придурок. Всегда, это был решивший срубить денег по легкому грибок-горожанин. После эволюции, все грибы остались за сдерживающими леса ограждениями. Все, кроме опят. Опята, как шаловливые ребята, имели свойство выскакивать в самых неожиданных местах: в полностью подавленных перелесках, запущенных садах и брошенных населенных пунктах. Случалось это не регулярно, но довольно часто. Если на них нарывался человек с сильной склонностью к широкому образу жизни и малым тяготением к труду, это кружило ему голову. Сушеные опята, измельченные в пыль, ценились за границей дороже кокаина, за неповторимые ощущения и длительность прихода. Именно такие счастливицы и попадались обычно на переправе. Причем бороздить речные просторы, для этого не требовалось. Жители приречных сел заранее оповещали руководство флотилии, где, когда и на чем будет переправляться злоумышленник. Экипажам катеров оставалось, только оказаться в нужном месте, в нужное время.

Сами приречные жители плавали по реке беспрепятственно. Сразу, после перевода, во флотилию, Агейкин был предупрежден, на высоком уровне.

– Люди, здесь – сознательные. Вне всяких подозрений. Понимаете? – Говорил, отводя глаза, обладатель высокого кабинета. – Не останавливать и не досматривать их, не под каким видом. Вы, поняли? Даже, если они груженные едут. Понятно или нет?

Агейкин ответил, что все понятно. Мол, местные есть местные. Опыт, по этой части, у него имеется, с не очень приятными воспоминаниями.

Приняв командование боевой единицей, в виде патрульного катера, «Бдительный», Агейкин, спустя некоторое время, поинтересовался у пожилого моториста, старшего матроса, дяди Пети:

– А, что сельские жители контрабанду, как средство дополнительного заработка отвергают напрочь? Это похоже на кино, про гаишников, которые не бабло рубят на дороге, а носятся, как придурки, и помогают окружающим. Бескорыстно.

– Все, до одного – контрабандисты. Или – пособники. – Ответил, тогда, дядя Петя. – Тут, все сидят на нелегальном перемещении грузов через границу.

– Как – это?! – Удивился Агейкин.

– Очень просто. Тут товар, на Украину, тоннами идет. Только, как не понятно. Что не водным путем, это ясно. А, дальше – не наше дело. Я в эти дела не лезу, и тебе лезть не советую.

Агейкину, после этих слов, вспомнилась веселая кикимора, которую он вместе, с сослуживцами, попытался остановить на окраине Молочаевки, находясь в засаде, на беглых российских шпионов. Поэтому, больше вопросов он задавать не стал. После того случая, и Молочаевке, он и другие участники засады, почти две недели провели в бессознательном состоянии. А, после выписки, из узденской больницы, еще месяц пьянели от одного воспоминания о водке и начинали блевать, если подходили ближе, чем на пять метров, к выпивающим. Поэтому дополнительных вопросов, от Агейкина, не последовало.

Вторая причина, внезапно вспыхнувшей страсти, к мечтательному уединению, заключалась в личности, самого мичмана. Еще, во время службы, в Московском УВД, Агейкин, по мнению женского коллектива управления, считался красавцем-мужчиной. До Матюхина, он если не дотягивал, то только ростом. В некоторых параметрах, он даже смотрелся эффектнее. Агейкин был жгучий брюнет и отличался особенным оттенком кожи. Он был смуглым, но без излишней чернявости. Оттенок его покрова можно было назвать особым кубанским. Это он унаследовал от матери, которая была родом, из Краснодарского края.

Прибытие красавца мичмана, было особо отмечено женской составляющей, окрестных деревень. Привыкший к легким победам, Агейкин, уже предвкушал, как он порезвиться в этих селеньях, но был остановлен местным участковым.

Майор милиции, Игорь Францевич Северинец, перехватил его в самый ответственный момент. В ходе состоявшейся беседы, Агейкин, к своему немалому огорчению узнал, что внебрачные отношения, на селе, не находятся под запретом, но разнузданная полигамность не приветствуется. Причем, до такой степени, что можно на длительный срок, отправится в лес, обхаживать кикимор.

Агейкин, снова, вспомнил кикимору, из Молочаевки, и пришел в себя.

– Конечно, если погуляешь с кем и откажешься жениться, тебя никто, силком, под венец не потащит. Только, на второй, жениться придется, уже обязательно, если не вдовушка. – Сказал ему, тогда, Северинец. – Иначе беда будет.

После этой беседы, в душе Агейкина, поселилась смутная тревога. Жениться, ему не очень хотелось. Однако природа вскоре начала брать верх, и он начал присматриваться, к потенциальным кандидаткам, в невесты. Это удавалось ему плохо. Присмотревшись к одной, он наткнулся взглядом на другую и начинал присматриваться, уже, к этой, другой. Когда метания становились, уже вовсе непереносимыми, он уезжал в Пинск или в Гомель и оттягивался в клубах.

Во время прошлогоднего участия, в наблюдательной миссии, за работниками «Роскосмоса», он еще глубже осознал особенности проживания вне защитных кордонов и сказал большое человеческое спасибо майору Северинцу. Помимо этого, он стал мимоходом интересоваться, у сослуживцев, зачем вообще нужна их флотилия.

– Нам, белорусам она, точно, не нужна. – Разъяснил дядя Петя. – Это все – для иностранцев. Создаем видимость, что все – на замке. Пока несли службу пограничники, тут, такая чехарда творилась! Оружие у них клинило. Сами постоянно в летаргию впадали. Текучка была невероятная. Как пограничную флотилию расформировали и таможенную создали – дело, на лад, пошло. Мы, же без оружия. Значит ничего не клинит. С местным населением контакт налажен. Редко, кто, из наших, выбывает, по состоянию здоровья. Содержание флотилии, кстати, европейцы оплачивают. В качестве сотрудничества. Платят бешеные бабки и, еще, дурни радуются. Думают, что мы непомерную ношу на себя взвалили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.